

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Вторник, 20 июня 1989 г. № 73 (6641)

Газета Центрального Комитета КПСС

ЦЕНА 6 КОП.

ЕСТЬ МНЕНИЕ!

О гласном обсуждении законов

В. Васильев, Киев:
— С начала года в печати опубликованы для всенародного обсуждения проект Закона СССР о качестве продукции и защите прав потребителей, а также проект Основ уголовного законодательства. Речь идет о принятии важнейших для судьбы страны решений, однако читательская дискуссия, едва успев начаться, поспешила оказаться свернутой. После первой волны откликов словно кто-то экран перевернул. Почему?

О прямой трансляции важнейших политических событий

С. Марин, Москва:
— Хотелось, чтобы после первого Съезда народных депутатов Центрального телевидение перешло на прямую трансляцию и других крупных государственных мероприятий. Необходимо, чтобы осуществлялась прямая трансляция всех пресс-конференций (а не так, как в прошлом были даны ответы на многочисленные вопросы корреспондентов...). Оборванная на полуслове информация оскорбляет слушателя.

Существенно важно, как мне кажется, осуществлять также прямую трансляцию (без купюр) собраний, пленумов, из творческих клубов, домов творческой интеллигенции, чтобы все это проводилось не для узкого круга, а для максимального числа зрителей. И тогда станет ясно, кто есть кто.

О Законе СССР о госпредприятии

В. Новиков, инженер, Воронеж:
— Необходимо ввести в статью 3 Закона СССР о госпредприятии: все оплаты труда должны производиться по результатам выноса труда работника в сфере своей деятельности. Сохранение всевозможных формальных расхождений административного аппарата призывает значительное количество своих трудов материальные ресурсы, диктовать свои условия. Введением данного дополнения поставим закон «не трудовым договором бюрократического аппарата, будем способствовать его сокращению. Надо ставить вопрос

о приоритетности оплаты личного труда специалистов, ведущих дело. Сейчас же оклады управленцев в конструкторских бюро значительно выше оклады квалифицированных разработчиков.

Об отношении к «неформалам»

С. Шифрин, подполковник в отставке, Симферополь:
— Много споров вызывают «неформалы». Среди них, очевидно, есть разные люди: «левая», «эстетичная», «эгоистичная». Но немало «неформальных» объединений конкретными делами участвуют в перестройке, оживляют общественную жизнь. В оценках этого явления нельзя быть скоропалучными. Нужны объективность и сдержанность в оценках и в печатных и устных выступлениях — особенно со стороны местных партийных органов, которым «неформалы» доставляют больше всего хлопот. Правильно ли вообще само противопоставление «неформальных» работников партийного или советского аппарата? А «какому лагерю им, ветеранам, относится себя? Ведь мы тоже за перестройку, за процветание культуры и экологическое оздоровление.

О фильме «ЧП районного масштаба»

М. Сахарова, Москва:
— Сильно расстроил эпизод, где показан комсомольский вечер в сауне, в полуголом виде плывущий за Ленинский комсомола. Да ведь это же дискредитация комсомола чистейшей воды. Если все было так, как показано, то не мешало бы режиссеру и сценаристу указать, где это происходило, и назвать фамилии актеров. А если это вымысел художника, то, извините, за это надо отвечать.

Неужели работникам кино не смогли вспомнить ни одной строчки из героического прошлого комсомола, на котором и надо воспитывать нашу молодежь! На сомнение, что взрослые разберутся: где правда, а где злоупотребство. А вот школьники очень доверчивы и воспримут все, как показанное.

Тел. 285-77-42 (с 11 до 16 часов).

В селе Иваньково Тамбовской области прошел первый музыкальный фестиваль, посвященный творчеству великого русского композитора Сергея Рахманинова. В селу, где провел много лет композитор, съезжались гости со всей страны. Большой симфонический оркестр Государственного радио СССР, управляемый Владимиром Федосеевым, с блестящим исполнением исполнил произведения С. В. Рахманинова. А в репертуаре также выступили симфонические оркестры народных коллективов, учащиеся Тамбовской музыкальной школы.

НОВЫЙ ЭКРАН МОСКВЫ

Не секрет, что за последние годы престиж московских международных кинофестивалей сильно упал. Это и неудивительно: все пятнадцать кинофестивалей проходили по одной накатанной схеме, исключавшей какие бы то ни было неожиданности и сюрпризы. Гигантомания, которая поддерживается сегодня столь резкой критикой, охватывала и Московский кинофестиваль. Традиционные были три конкурсы: игровых, документальных и детских фильмов, где право участия получала каждая страна, независимо от качества пригласенных картин. Независимый двухдневный марафон. Распределение призов, которое нетрудно было угадать заранее...

Над чем стоит задуматься? Эти вопросы поднимались на пресс-конференции, проходившей в Госкино СССР.

Генеральный директор кинофестиваля, заместитель председателя Госкино СССР В. Рабинович проанализировал, что в конкурсной программе будет не более 20 картин, теперь фестиваль сам выберет гостей. Приглашать участвовать в конкурсе отдельные кинематографистов, а не страны. Появился наконец и постоянный приз фестиваля — «Золотой Георгий» (автор — Л. Берлин), он будет присуждаться лучшей киноленте. Вторая награда — «Серебряный Георгий» — приз юри. Два «Бронзовых Георгия» получат актеры за лучшее исполнение мужской и женской роли.

Общественная комиссия во главе с кинорежиссером, сценаристом правления Союза кинематографистов СССР А. Плавновым отобрала для участия в конкурсе девятнадцать фильмов. Среди них по две картины из Польши и США, а также фильмы К. Рассела (Великобритания), В. Хитилова (ЧССР), М. Янчо (ВНР) и других известных режиссеров.

От нашей страны в конкурсе участвует фильм К. Лопушанского «Посетитель музея». В юрию под председательством Анджея Вайды (ПНР) вошли режиссеры И. Менцель (ЧССР), А. Сен (Индия), И. Стеллинг (Нидерланды), Чжан Имоу (КНР), Э. Кустирица (СФРЮ), продюсеры И. Муса (Италия), Дж. Гуа (США), кинорежиссер К. Церетели (СССР), актер Д. Джемма (Италия).

По-новому будет организована работа жюри и ПРОК — профессионального клуба кинематографистов. Об этом рассказал директор кинорынка, генеральный директор В/О «Советспортфильм» О. Руднев и директор Центрального дома кинематографистов, режиссер Ю. Гусман.

Н. ЛУКИНЫХ, М. ПОРК.

ТЕЛЕТАЙПНАЯ «СК»

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

ЗНАКОМЬТЕСЬ: «ИНТЕР-ВЕРСО»

«Интер-Версо» — так называется совместное советско-британское издательство. Подписанные документы о его создании состоялись в Госкомиздате СССР. О новом издательстве рассказывает заместитель председателя Госкомиздата СССР В. Славенко: — Инициаторами создания этого совместного предприятия выступили советское издательство «Международные отношения» и английское «Версо». Основная задача «Интер-Версо» — издание переводов произведений общественно-политической литературы. Книжки будут выходить на двух языках и станут распространяться на нашем и западном рынках. Советская сторона берет на себя редакционно-издательскую работу, набор и печать, английская — будет посылать современную наборную технику, бумагу, осуществлять закупку авторских прав. Кроме того, она будет способствовать продвижению книг на западный рынок. Надеюсь, это начинание только укрепит взаимопонимание между СССР и Великобританией. Убежден, что чем шире будет культурный обмен между нашими странами, тем меньше политических недоразумений будет возникать.

ЭКСПРЕСС-АНАЛИЗ

ИЗ СТОЛОВОЙ — В БОЛЬНИЦУ?

Каждый день более 190 тысяч человек в нашей стране не выходят на работу по причине заболеваний органов пищеварения.

И еще одна тревожная цифра: в одном 1987 году зарегистрировано 5,6 миллиона больных язвой желудка и двенадцатиперстной кишки, атрофическим гастритом, желчно-каменной болезнью и колостомом. Все эти болезни, по мнению специалистов, — главным образом от недоброкачественной пищи. Госкомстат СССР, обследовавший эти данные, провел в разных регионах страны выборочный опрос о качестве работы предприятий общественного питания. Более 130 миллионов человек регулярно пользуются услугами общепита, но лишь 22 миллиона из них могут сделать это одновременно.

Организация общественного питания остается неудовлетворительной. Режим работы предприятий неудобен, ассортимент блюд ограничен. Такого мнения практически всех опрошенных. Но все эти моменты, хотя они и существенны, все же победимы. Главное — какие продукты мы потребляем. В столовые поступают, как правило, продукты невысокого качества. А то и просто никакой не годится. При проверке каждая третья проба блюд не отвечала требованиям санитарии, как четвертая — количеству витаминов. А в каждой шестой пробе овощей, фруктов в банках обнаружено повышенное содержание нитратов. Это несоответствие санитарным нормам является основной причиной кишечных заболеваний. Так, в прошлом году зарегистрировано около двух миллионов случаев, это на 8 процентов больше, чем в среднем за несколько предыдущих лет.

К. СЕРГИЕНКО.

В ТРИ ФРАЗЫ

Подлинная прелесть быта нашего народа, его старинные песни и обряды раскрылись в творчестве Башкирского государственного ансамбля народного танца. В эти дни в городах и селах автономной республики широко отмечается 50-летие со дня основания коллектива. В его составе выступили и выступают многие прославленные мастера.

«Летят и мигают» — так называется выставка, открывшаяся в Музее революции Литовской ССР. Она рассказывает о традиционных связях провинциальной и республиканской представителей разных национальностей в Литве, которая стала для многих из них родным домом. В экспозиции — документы, фотографии, редкие орудия труда, принадлежавшие рабочим, крестьянам, диссидентам, ученым, журналистам.

Высшим баллом на завершившемся в Старополсе международном конкурсе современного балетного танца «Старополские зори» отмечено исполнительское мастерство артистки Польши Алены Дунавич и Ланы Романевич. На вторую ступеньку пьедестала почета поднялись москвички Татьяна Рыбалко и Илья Данилов. Третье призовое место у гостей из Чехословакии Яны Хромой и Иво Паула.

Т. СИТНИКОВА. (Нам соб. корр.)

ВОЗМОЖНО ЛИ У НАС?

Интересную информацию принес редакционной тайпной «СК» корреспондент из Англии. Это мощная организация, располагающая электронной техникой, демонстрационными залами и собственным журналом, является своеобразным испытательным полигоном для всех изданий и продуктов, поступающих на рынок. Английскому союзу более 30 лет. В нашей же стране только недавно стали появляться обществу потребителей. Об этом деле пока ничего не слышно. А планируются ли создать общесоюзный центр, который мог бы координировать деятельность на местах? Мы позволим в ВЦСПС.

— Денежные в защиту интересов потребителей совсем не ширится очень активно, — отвечает руководитель рабочей группы по созданию общества потребителей А. Канбиш. — Передаю организацию по-прежнему в Ленинград в конце прошлого года. На сегодняшний день на 22, и в 60 регионов идет организационная работа. Это общество только нацелено на пути к, естественно, творчески не вооружены. Минувшей осенью планировалось провести учредительную конференцию по созданию всеобщего общества. К этому времени, по ориентировочным подсчетам, в стране будет действовать уже около ста потребительских организаций. Сейчас работает инициативная группа, в которую вошли представители ряда общественных организаций.

И. ЛЬВОВА.

ТЕЛЕТАЙПНАЯ «СК»

Н. РУСАКОВА.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:

О развитии культуры села размышляет доктор философских наук В. Чурбанов.

3 страница

Георгий Куницын: «Фильм «Нам бронепоезд» зрелищная оболочка имеет на душой зрительских и жителя победителей. Уверил вот и в сердце из котлов — облучение провалам будет действовать незаметно сколько».

4 страница

«Канни быть Малому театру» — два мюзикла, драматурга и журналиста, о судьбе театра.

5 страница

VI Московский международный конкурс артистов балета продолжает свою работу.

8 страница

ПОЧТА НЕДЕЛИ

ПРОШЛАЯ неделя была первой после окончания Съезда народных депутатов. А письма, пришедшие в редакцию, немало возвращались и тем дням — наплывом острых дискуссий, высоким накалом страстей. Много поступило откликов на выступления В. Распутина, В. Белова, Д. Лихачева, А. Сахарова. Однако среди писем горячих, эмоциональных уже пожелали и такие, в которых читатели пытаются осмыслить значение Съезда, представить перспективы. «Мы много говорили, что главное завоевание перестройки — это гласность. Действительно, замедленно сердце, когда та или иная газета вносилась в очередную «запретную» тему. В последнее время стали даже развлекаться скептическим голосом: как же, мол, теперь журналисты будут добывать свой хлеб, ведь обо всем уже написано. И вот Съезд. Он поднял планку гласности на такую высоту, которую мы себе и не представляли. Мне кажется, что мы уже не те, что были две недели назад. Мы стали смелее, честнее, активнее. Но самое интересное — что будет потом. Когда депутаты разлетятся. Удается ли прессе сохранить прежние высоты гласности и пойти дальше, как все вернется в рамки дозволенного?» — спрашивает С. Афанасьев из Омска.

«Мое письмо о так называемом «агрессивном большинстве». Кто виноват в том, что оно образовалось? По всей видимости, как раз демократическое меньшинство. Оно возмущалось, что их идеи не воспринимаются депутатами, обиделись и начали высказывать свои претензии. Конечно, нелегко, наверное, было удержаться от эмоций, но все же следует помнить, что большинство надо завоевывать, а не ждать победы, как малыши небесной». — читаем в письме В. Крестьянина из Ленинграда.

Горькие цифры прозвучали на Съезде. Достаточно вспомнить хотя бы выступление Романа Яковлева. Он сообщил, что одно скотоместо стоит дороже, чем извратный метр школы. Мы уже знаем, что страна наша по образованности — где-то в конце пятого десятка, да и по детской смертности на том же уровне... Но когда читаешь письма, подобные тем, что привелось выше, становится просто не по себе. Это отклики на статью Галины Шерговой «Та самая слеза ребенка...» (20 мая). Авторы обрамляют и писателю с просьбой помочь их больным детям поехать за границу. Нет, не для того, чтобы они пороздвали чудесам Орлендо. Родителям мы двигаем последние надежды на спасение. «Мой внук Дима в пять лет заболел реumatизмом полнартритом. Вылечил у него сильные обостре-

ния, был период довольно спокойный. Сейчас опять — резкое ухудшение. Нам никогда не было отказа во врачебной помощи, куда бы мы ни обращались. Но, и большому сожалению, эту болезнь у нас лечить не научились. В одной больнице нам сказали, что в США эффект от лечения гораздо выше. Я понимаю, что просьба моя безумная, но что делать, если больше нет надежды...» — читаем в письме Е. Воронова из Кувьшино.

Н. РУСАКОВА.

В. Захаров, министр культуры СССР

ТЕМА СЕЗОНА

Ветер перемен, раскрывший общественному взору многие закулисные стороны театральной жизни, не обошел стороной и театры для детей и юношества...

Легко ли быть и оставаться молодым в нашем детском театре, легко ли трудиться в нем? Примечательно прежде всего, что сами работники театра в жарких дискуссиях на эту тему не замыкаются в личных, узкопрофессиональных интересах...

В театре дана, как и в кино, оживленная — воспитание молодежи всегда нелегкое дело. Но сегодня мы подошли к нему с ответственными позициями перестройки, вызвавшей перемены в общественном сознании...

Конечно, было бы наивно относить все сложности к бедам на воспитательном фронте в прочтении деятелей культуры, тем более немногочисленных работников детских театров. Но ведь и кому, как не им, создавать всю бесценность воспитания искусства на юные души...

Вместе с тем за долгие годы, в которые, как известно, небо над отечественной культурой было далеко не всегда безоблачным, в детском театре накопилось немало проблем и даже кризисных явлений.

Прежде всего — много ли детских театров в стране, когда до бледнейшей славы этот вид искусства? Сегодня у нас действует 56 профессиональных трупп, 4 музыкальных детских театра в 143 театрах кукол. Нет театров юного зрителя в Литве и Киргизии, в столицах восьми автономных республик с населением свыше 250 тыс. человек...

Ироничная шутка о «богатеньком Буратино» прозвучала бы весьма печально для наших кукольников, как, впрочем, и для коллективов большинства других детских театров. Интерьер многих их помещений невыразительный и

не имеют своих театров кукол республики Туркмения, шесть автономных республик, 60 из 147 краевых, окружных и областных театров, большинство городов, не являющихся административными центрами, с населением свыше 200 тыс. человек.

Ироничная шутка о «богатеньком Буратино» прозвучала бы весьма печально для наших кукольников, как, впрочем, и для коллективов большинства других детских театров. Интерьер многих их помещений невыразительный и

КАК КАТУЛЛ ОБЪЯСНИЛСЯ В ЛЮБВИ ЛЕСБИИ?

Перестройка беспощадно проявляет одну неотложную проблему за другой. Они уже так теснят друг друга, что у них участников Съезда народных депутатов СССР, похоже, голова пошла кругом. Так, может быть, и в самом деле не разводите жостков под каждым стулом и лучше сначала сдвинуть с места хотя бы самое необходимое? Как говорится, хоть синица в руке...

Но и дискуссия на Съезде, и опросы населения обнаруживают настолько незначительные зазоры между представлениями людей о «самом возможном», что проблемы продовольствия и жилья, здравоохранения и образования, экологии и др., межличностных отношений и свободы слова свалываются в одну кашу. Так максималистская метафора Льва Толстого — чтобы вода в сосуде была теплой, надо чтобы все надла было теплым, — оказывается практической формулой стратегии перестройки. Эта формула требует все ухватить со всем — иначе не добиться ничего. Вот и получается, что нельзя измеряться к синице в руке — нужно-таки дотянуться до журавля в небе.

И все-таки в числе выдвигнувшихся на самый первый план оказывается продовольственная проблема, а стало быть — проблема села вообще.

Едва проследишь типовой фанатический краска на решении мартовского пленума ЦК КПСС, как подоседают предварительные итоги Восточного восстания населения СССР 1989 г. Они отразились наповал: мы остаемся в значительной мере страной сельской, страной крестьянской. Такая вот статистика пробивается сквозь шлейфы наших космических кораблей.

И в самом деле: при росте городского населения за тридцать последних лет почти на 90, а за последнее десятилетие на 25,2 миллиона человек, при превращении с 1979 года 10,6 миллиона сельских жителей в горожан общее число селян уменьшилось у нас всего на 0,9 миллиона душ и сегодня все еще составляет более трети граждан страны — почти 98 миллионов. Причем во многих регионах доля сельских жителей составляет около половины населения, а в некоторых областях — до 80%. В Башкирии же, в Татарии, в Казахстане — до 87 процентов. Так что зря иронизируют, что теперь у нас, дескать, все ишнуш — хавает и тех, что шнуш.

Уже только количественная сторона дела обуславливает значимость проблемы села. Однако это еще не все: оно ежегодно пополняет город одним миллионом мигрантов, и в сумме горожан в первом-втором поколениях в стране набирается видимо, около полусотни миллионов. Следовательно, если взглянуть на качество населения города, так что судьба деревни — судьба страны.

Известно, что в своем фундаментальном содержании проблема села заключается в преодолении сдвигов его противоположности городу, а вот в существующих различиях — в чем. Как достичь этого, каково соотношение теоретической мысли и реальной жизни — соединение промышленности с земледелием на уровне сознательного приложения науки и комбинации коллективного труда.

А что же культура? «Крестьянину нужны городские продукты, городская культура, и мы должны ему дать это... Помочь крестьянину подняться до городского уровня...» — так В. И. Ленин ставил задачу в 1919 г. Ставил, выражал интерес самого крестьянина. Но и не только его.

«Штатный кооператор» в Ленинском понимании — это человек, который способен не только и комбинация коллективного труда и приложения науки и аграрного делу, но и приспособлен к тому, чтобы стать квалифицированным работником, в при условии возможности для всякого нормального человека учиться и интеллектуально. Вот что значит дать крестьянину городские продукты, городскую культуру, и мы должны ему дать это...

Искусство особого назначения

Выделены дополнительные ассигнования. Предполагается и радикально пересмотреть размеры должностных окладов, решить проблемы формирования трупп и упорядочения организационных структур детских театров. Хотелось бы, чтобы эти начинания России были активно поддержаны в других республиках. Наше министерство будет этому всячески содействовать.

Немало значит для улучшения положения трупп детских театров и некоторые льготы в пенсионном обеспечении, принятые правительством по инициативе нашего министерства, СГД СССР и РСФСР. Думаем, что творческие коллективы могут использовать эти обстоятельства для более решительного обновления своих составов и пополнения их молодежью. Правда, пока что сами театры не очень эффективно используют новые возможности.

Заgot дальнейшего прогресса в экономике театров — это их новый хозяйственный механизм. Положено на нем одобрен правительственной комиссией и принято совместным постановлением коллегии Министерства и секретариата правления СГД СССР.

В течение года предстоит переход на принципиально новые условия экономической деятельности, что, несомненно, позволит развить инициативу всем творческим силам. Однако эти перемены вовсе не означают нашего стремления к переводу театров, а тем более всей отрасли культуры, на полный хозрасчет и самодотирование. Средства на государственный бюджет будут и впредь поступать в театры, но не по произвольному решению финансовых органов, а по научно и творчески обоснованному нормативу.

Непрестижность детского театра среди местных властей проявляется и в их отношении к творческим кадрам. Весьма показательна в этом смысле история Орловского театра, в прошлом широко известного в стране благодаря деятельности главного режиссера Ю. Копылова. Городские власти проявили полную неадекватность в судьбе театра, в котором за три года сменились три руководителя. И сегодня, когда коллектив возглавляет молодой одаренный режиссер А. Михайлов, положение мало изменилось. Актеры живут в опасении отмены своего театра особого назначения и... слияния его с областными драматическими театрами.

Сформировавшееся представление о детском театре за многие годы было нанизано, менялась в чем-то система взаимотношений в семье, между учащимися и педагогами, между самими детьми, менялось наше общество, а его театр для детей оставался прежним. Вместе с тем спор вокруг детского театра,

его концепции — постоянный спутник его истории. Но сегодня он обострился, выявив две полярные позиции. Первая основана на стремлении сохранить в неприкосновенности традиционную театральную модель.

Вторая, критикуя эту модель, вообще восстает против возрастной специфики и в конечном счете предлагает совершенно необходимость специального театра для детей.

При этом сторонники первого подхода бьют тревогу по поводу «возрождения» репертуара, намеренной его ослепленности, искусств

венного завышения возрастных интересов детского аудитории. Вторые же считают, что это процесс естественный, так как сегодняшняя, широко информированная и пресыщенная художественными впечатлениями ребенок уже не нуждается в «своем» театре.

Нельзя, конечно, не признать, что «взрослая» пьеса на детской сцене — это безусловная дань времени, вызванная изменениями и в жизни общества, и в развитии сегодняшнего ребенка. Но не будем забывать заветов большого театрального педагога А. А. Брандеса, который настойчиво удерживал на двойную природу театра, где должны объединяться художники сцен, умеющие мыслить как педагоги, с педагогами, способными чувствовать как художники. Этот «диалогический аспект» творческого репертуара, по-моему, никак не позволяет согласиться с нынешними постановками в некоторых детских театрах таких пьес, на которые доступ детям и даже подросткам просто запрещен. Отрадно, что эта мысль была поддержана на недавнем Всесоюзном съезде деятелей детского театра.

Сегодня большинство сходится во мнении, что время требует говорить со сцены с детьми о вещах серьезных без ложного пафоса, назидательности, лобовых приемов. Театрам нужна настоящая литература, такая драматургия, которая бы вела с детской аудиторией вдумчивый, откровенный, правдивый разговор о нравственных ценностях. Но при всей нашей приверженности суровой правде жизни, хотелось бы помнить, отнюдь не падая в морализаторство, чтобы со сцены театра не звучала проповедь добра, чистоты и благородства, чтобы детский театр не стыдился показывать прекрасное и светлое в жизни. Пока же, откровенно говоря, детская драматургия оставляет желать лучшего. Кроме ее бедности и ограниченности, не может не тревожить явная тенденция ряда пьес к дегероизации прошлой и утрированию ущербности сегодняшней жизни.

Особого внимания требуют спектакли для младшего возраста. На первый взгляд театры выполняют перед этой аудиторией свои обязательства, но в большинстве своем репертуар их очень низкого качества.

Нельзя, конечно же, представить себе детской театр без сказки — народной, волшебной, современной, но одинаково необходимой ребенку. То же в равной мере относится к зрелищу младшего возраста, сказки и другие произведения для них есть в любом репертуаре. Но, увы, в большинстве своем эти вещи весьма невысокого качества по выбору литературы, проблематике, средствам воплощения. По-прежнему проблемным остается вопрос

устарел ли понятие «ОТ-СТАЛОСТЬ»

Подлинный марксизм никогда не обещал того ускоренного равенства, какое ныне столь щедро обещают некоторые слишком горячие, а также слишком желающие нравиться публицисты и народные депутаты. Всячески говоря, социальная справедливость — это справедливое неравенство. Неравенство потому, что от

условиями лишь азы урбанистической культуры, вел и поныне ведет к своеобразному окрестничеству города, в насыщение деревни лишь элементарными образцами городской культуры вело и сегодня ведет ее к причудливой полурурбанизации. Появился новый тип культуры, который в зарубежной социологии называется маргинальным, — культуры «смешанной», «пограничной», то есть состоящей из «окраинных» ценностей разных культур, в данном случае — сельской и городской.

Конечно, и деревня, и кишлак, и аул сегодня совсем не те, что 50—70 лет назад. И все-таки блестяще добравшейся сюда городской культуры достаточна для превращения громадной части сельских жителей лишь в «маргиналы». Таков уже результат культурного движения села «вверх», ибо для движения «вглубь» вложенных усилий слишком недостаточно.

Подлинный марксизм никогда не обещал того ускоренного равенства, какое ныне столь щедро обещают некоторые слишком горячие, а также слишком желающие нравиться публицисты и народные депутаты. Всячески говоря, социальная справедливость — это справедливое неравенство. Неравенство потому, что от

Культура села:

ПЕРЕД ВОСХОЖДЕНИЕМ

Вадим Чурбанов, доктор философских наук, профессор

лизму тяготели в 20—30-е годы многие теоретик и практики, даже самые интеллигентные из них. В левацких революционных утопиях-схемах в десятку лет должна была исчезнуть не только интеллигенция — «верхний слой», в близком будущем не предвиделось места и для крестьянства — «нижнего слоя».

Когда Карл Радек пал жертвой «великого перевала», уделный все интеллигенция действительно катился и нулю. Но только совсем другим путем. Трагически сложилась и судьба крестьянства: не «индустриальный кооператор» в «отлученный от земли, бесправный и нищий полукрестьянин-полупролетариат» ошеломил услышала о том, что он — «самый передовой аграрий в мире» и живет «при социализме». Между тем миллионы крестьян в это время все еще не знали грамоты, лишь 1,8 процента имели образование в объеме семи классов и выше. Куда уж тут до Каталы и Лесбии! Но превращение существующих различий города и села было переведено из числа фундаментальных проблем в ряд «текущих» задач и пребывает в таковых до сих пор.

Объяснений в прошлом, и нынешних разительных отличий города и деревни — в изобилии. Но опасна недооценка еще и такой причины, как декультурация села: хранящиеся крестьянском традиции народной культуры уничтожались, а городская культура деревне досталась лишь толика. Традиционная культура целенаправленно умерщвлялась как отсталая и разлагающаяся, а новая — социалистическая и объединяющая — пришла в урезанном виде. Культурные преобразования оказывались широкими, но бедными, и потому прошлое уходило, а будущее не наступало.

И это сказало не только на судьбе села, но и города. Процесс раскрывания села, нависший над городом массами переселенцев,

природы различия людей в способностях и «силе характера», как утверждают некоторые ученые, измеряется соотношением примерно 1:3, и естественно, что при любой степени равенства общественных возможностей для всех одаренные и волевые достигают больше. Справедливо потому, что между регионами и даже местностями всегда будет существовать известная разница в жизненных условиях, которую можно свести до минимума, но никогда не удастся устранить полностью.

Никогда не деться от того очевидного факта, что культурная жизнь сегодняшнего села отстает от города. Но применительно к громадной части наших сел «отставание» — слово неуместное. Ибо если мерить строго, то их реальный культурный уровень выражается другим понятием — отсталость. И такой уровень — одна из наиболее разительных социальных несправедливостей нашего общества. Вроде с ней я поставил бы разве что материальную бедность стариков, высокую смертность детей и матерей-рожденцев да постыдную оплату работников культуры — музейщиков, библиотекарей, авторов, музыкантов и других.

Как-то жутковато извергать деревню с высот развитого социализма в проваль отсталости. Но грехи, прикрываемые святостью, — самые явные грехи. «Святые» догмы вроде той, что наша деревня — самая передовая в мире, потому что она самая социалистическая, а культура этой деревни — наилучшая, потому что она, культура, самая идейная, сформировали в нас преубеждение и простую житейскую истину. И в результате мы согласны считать хорошим то, от чего людям живется плохо.

Мы забывали начинать. «...Иногда народные массы не заинтересованы так настоящей культурой, как у нас; иногда вопросы этой культуры не ставятся так глубоко и так последователь-

но, как у нас», — писал в «Странничих из дневника» В. И. Ленин.

Но вскоре культурный рост масс стал опасным. Правда, при Сталине были немногочисленные театры, а при Хрущеве на селе создавались народные университеты и стали открываться детские музыкальные школы. Нельзя быть неблагоприятным самоотверженному труду сельских просветителей 30—70-х годов. И все-таки по социальному результату все это — февральские, запалеемые сначала «выводами» о том, что жизнь стала лучше и веселее, а позже — что до коммунизма уже рукой подать.

Теперь больше ко времени не осмелитесь энтузиазм, а строго рассчитанные программы и не явные примеры, а статистика.

Правда, как отмечалось на Съезде народных депутатов СССР, наша социальная статистика ненадежна. Во всяком случае, в культуре. Если воспользоваться выражением английского писателя, она порой используется, как пьяным фонарем столб: не для освещения, а чтобы удержаться на ногах. Возьмите официальные справочники — там так много цифр, но при этом ни малейшей ясности, какое же культурный уровень народа, в какой мере удовлетворяются его духовные потребности, какие складываются тенденции культурной активности советских людей... Коиме то, эти цифры по большей части вовсе не государст-

венные данные, а плод фантазии учреждений и ведомств культуры. Наш Госкомстат, похоже, самое доверенное ведомство страны. Докладность тому — результаты проверок отчетности клубов, библиотек и других учреждений Комитетом народного контроля СССР. То, чему верит Госкомстат, на самом деле нередко превращено приписками в 3—6, а то и в десятку раз.

Но поскольку в городе наивным припискам ничуть не уступают этому пороку на селе, а прошле говоря — поскольку все врут примерно одинаково, вполне корректно статистическое сопоставление культуры города и культуры села. К тому же общедоступную статистику теперь, слава богу, можно дополнить кое-какими данными, которые раньше предназначались лишь «для служебного пользования», а также данными социологии.

Единовременное обследование свидетельствует, что на начало 1988 года в нашей стране 42 процента сельских населенных пунктов не имели абсолютно никаких учреждений культуры — ни библиотеки, ни клубы, ни киноустановки ни даже передвижных «форм культуры обслуживания» вроде кинопередвижки, авторубки и т. п.

Кинообслуживания на сегодня начисто лишены 58 процентов сельских населенных пунктов страны, в которых проживает каждый пятый сельский житель.

Телевидение до сих пор не могут принимать около 15 миллионов селян, еще больше сельских жителей обречено на так называемый неустойчивый прием телепередач. Каждый четвертый может принимать только одну телепрограмму.

Каждая пятая школа на селе работает в две или три смены, но при этом их строительство в среднем в год уменьшилось в сравнении с 1976—1980 годами почти на четверть той

привлечения в театр подростков. Чаще всего они вообще выпадают из поля зрения драматургов и режиссеров. Опыт сотрудничества Центрального детского театра с известным публицистом, глубоко знающим острые молодые проблемы, Юрием Щенюхиным не имеет, к сожалению, достойных аналогов.

Расширение проблемно-тематического диапазона в репертуаре театров сказало и на эстетике детского спектакля, усложнило его художественную лексику, что чрезвычайно важно для повышения культуры юного зрителя. Но, к сожалению, в последнее время арсенал выразительных средств стал пополняться главным образом за счет приемов и форм, сложившихся в так называемой «молодежной культуре» 70—80-х годов, где преобладают элементы мозаика невысокого вкуса, расхождение шатлера, неадекватных эстрадно-музыкальных программ.

Утверждая идею многообразия, надо смелее идти на создание всевозможных студий, филармоний, малых сцен, расширять развитие детского театра как самостоятельного творческого организма и как части нашего театрального дела. В связи с этим представляется перспективным «академический эксперимент» — опыт сотрудничества под одной крышей взрослого и детского театров. Успешно начала действовать театральная группа и в Русском драматическом театре Киргизской ССР. Вместе с тем вряд ли следует спешить расставаться с традиционным театром, потенциал которого еще далеко не исчерпан.

Целесообразно, на наш взгляд, также существование театров более узкого и определенного профиля, скажем, театр для молодежи или театр сказки для малышей. Нельзя не приветствовать появление профессионального Московского театра детской книги («Волшебная лампа», рожденного талантом и энтузиазмом заслуженного артиста Башкирской АССР В. Штейнля. Оправдывает себя сочетание профессиональных театров в народных труппах, движение которых с каждым годом становится все активнее. А вот такое перспективное явление, как театр-студия, пока, к сожалению чаще всего обходит вниманием детскую аудиторию.

Влияние и авторитет театра для детей в юношестве во многом зависит от его практической связи с семьей и школой. Но все ли делает для развития этих связей педагогическая часть театра? К сожалению, ее работники загружены в основном делами административно-организационного характера; отвечают за распространение билетов, заполнение зала и даже за наведение порядка среди юной аудитории. И в том ли деле, и без лишнего шума, что раздался этот важный механизм? Поэтому пора реорганизовать педагогическую часть детского театра, расширить и укрепить ее научно-педагогические в художественно-методологические функции, наладить изучение общественного мнения юного зрителя. Нужен и более тесный контакт с органами народного образования, с педагогами-новаторами, всей педагогической наукой.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

Министерство культуры СССР и Союз театральных деятелей СССР совместно с другими заинтересованными организациями разрабатывают сейчас комплексную программу развития театров для детей и юношества. Сюда войдут, несомненно, как богатый опыт не терпящего деления, так и самые смелые мысли театральной молодежи. Но каким бы ни стал театр будущего, он всегда сохранит свою главную государственную задачу — думать о детях и своим искусством помогать им становиться достойными гражданами нового времени.

ПОИСТИННЕ онеян страдания преодолеваем мы в XX веке. Без малого ровесник Октябрья, я не мог не взглянуть на перо, просмотрев фильм-судьбу «Наш бронепоезд» Евг. Григорьева в М. Пташкова. Сценарий фильма окончен в 1988 году, назывался «Отцы-66».

Есть своя объективная символика в том, что «Отцы-66» Е. Григорьева опубликованы в одной из книжек альманаха «Киносценарии» (1987, № 2), в какой-то палаточке и «Поклоняны» Н. Диканелидзе, Т. Абуладзе, Р. Кеселавия. Фильм «Поклоняны» (опередил публикацию своего сценария) шествовал к этому времени по всей стране. Шедер века, он ярко протрассировал огненную черту к главной цели.

Сценарий же «Отцы-66», написанный слишком рано, с опережением сознания эпохи, превратился в фильм лишь теперь.

Фильм по-особому потрясет. Сюжет его — за пределами судеб репрессированных. Вторга на их жизнь тех, кто вполне благополучен. Разверз рожовую бездну. Никто — вне ответственности. И не только потому, что наше сознание некогда остановилось на ступени его мучительного поиска и бытия до сих пор в пределах мучительного права, но и потому, что действительно колокол звонит по всем. По нам, по тебе.

Фильм гремющим обвалом падает на души уходящих из жизни победителей. Ударял вот и в сердца их потомков — облуженные прошлым будут действовать неизвестно сколько.

А в самом-то произведении началось все как бы само собой: четырехжды раненного в боях героя Отечественной, отличившегося семьянина Николая Кузнецова, на глазах любящих его детей и жены, уличают в том, что 5 марта 1953 года, в день смерти Сталина, он, будучи командиром дивизиона охраны лагеря на Севере, приказал открыть огонь по безоружным зекам, пошедшим — в ознаменование смерти тирана — на охранников... Изобличение произошло столь неожиданно, что ни перед кем не пасовали ранее бывший офицер растерялся. Счастливая жена и дети семьи взорвались.

Вроде бы и банальная история, да же баналь отцы. Все вдруг начинает раскрываться в необычайном направлении: бывший фронтовик сам резко поднимает вилы на обличителей. И перед нами развертывается совсем иная картина, чем та, которая обычно рисует публицистами, пытающимися выне отделить наличие массовой веры в Сталина в народе. Нередко фанатической.

Перед нами проходит, в сущности, и трагедия личности, включенной в некую историческую предопределенность. Вместе с тем это новый социальный тип. Он еще вчера не был бы соотношен с трагедией. Поражает в тяжелой ситуации его цельность. Он бросает вызов всем, кто пытается порочить его. За что? — искренне недоумевает, ведь он же по праву стрелы...

Вот что ищет ищет было в 1953 году в сознании и Кузнецова, и преобладающей части общества. Но теперь, когда он такое говорит, товарищи по заводу пречтут глаза. Стыдятся. Хотя и сами вели бы себя на его месте во время восстания в лагере, наверное, так же, как теперь его презирают.

Узел завязывается все туже. Перед нами в самом деле человек, который вроде бы и не имеет оправдания, но это — не преступник. Обманутый. Ослепленный. Порочен же до предела. Не попадаю ни «в органы», счастливее его не было бы на свете. Без таких в войну невозможно было бы выиграть. Коренник он в любом деле.

И кто же теперь с ним виноват? То, что, как в чем не грешит совесть — во времена Сталина в позе, он предьявлял людям требование на доверие их к себе уже в невозможных для этого исторических обстоятельствах. Персонализируя это заблуждение его бескомпромиссного поколения — того, которое волочило аттестаты об окончании учебных заведений в 1939—1941 годах. Ирония истории сделала свое: именно из-за бескомпромиссности (а она оборотная сторона доверчивости) это поколение оказалось беззащитным перед самой беспардонной ложью. Верно любым неверным воспитателям. Потому что верило в ложное, а не в действительное.

Верил Доверчивый Любил его идею более, чем себя. Совсем по А. Блоку: «Пусть эгоизм и обманет...» Ряд революция взорвало собой в других. В движении и влюбленном цели и в получении представления о самой себе. Мушкетер в сущности, в перегадку со смертью. Со школьной скамьи — на фронт. В первом уезде Бою Кузнецов так полюбил. На любые дела, куда посылал, шел и после войны. Понимаю я такое доверие к Советской власти. Испытал и я его нерушимость, когда в свои 15 лет увидел арестованных наших лучших школьных учителей. В те же дни услышал от оставшихся педагогов: оказывается, арестованные «подготовили восстание» в нашем далеком сибирском городочке Киренске, и будто «в боях из-под ружья» для них пулеметы кто-то из Японии привез. Мы были оговорены только и тогда одним: мол, вот как способен маскироваться «враг». Смотрел сейчас фильм и думал: нет, не столь и многое меня отдало от Кузнецова. Возможно, лишь несколько более осмысленный инстинкт самосохранения. В 1952 году, молодой периферийный обкомовец из фронтовиков, я был «отбран» для «особо важной» работы приехавшими из Москвы членами КГБ. Находясь да них: успел к тому уже моменту получить вузовский диплом. Тридцать лет. Предлагалось мне пройти быстро через какие-то экзамены, чтобы занять устрашающую людей должность. Не зная в то время, в сущности, ничего, что хоть как-то все же знаю теперь, я тем не менее отверг предложение. При том, что было дано пожать: от таких, мол, презревтов умные люди не отказываются. Позже выяснилось, что это был последний приказ партработников «в органы» при жизни Сталина и Берия. Судьба этих молодых интуанстов лишь в исключительном случае могла завершиться благополучно. Психологический слом здесь, конечно, неизбежен. Но ведь и хорошие люди шли туда. Где они теперь?

Кузнецов не рассуждал. Он, конечно, не чувствовал подвоха в его же собственной исполнителности. Теперь говорит об этом горькие слова: — Ведь мы всегда «есты!» говорили. Нам — «надо», а мы — «есты!».

Распространенная наша черта — слав исторически взрожденного холостца с приобретенным интуанством. Говорят «надо», а мы — «есты!». «Смело мы в бой пойдем за власть Советов и, как один, умрем в борьбе за это...» Кому же власть, если все умрем? А не важно. Главное, умереть за нее мы готовы. «На миру и смерть красна». А чужой то жизни — раз своя ни в грош — жалко и вовсе мало.

Ныне называют цифру более двадцати миллионов арестованных только в течение 1929—1939 годов. А за 1940—1953 годы? А сколько советских военнопленных из фашистских концлагерей попали прямым втагом в советские? Так каков же количество Кузнецовых и подобных ему по дивизиону Петровых, Сидоровых, Пункиных. Миллионы в миллионах людей составлял КГБ, МВД, армия и флот в течение десятилетий. Одна гигантская казарма, незаметно переодетая в тюрьму и — обратно. Сталин с лживой осуществил древнейший замысел Платона об «идеальном» государстве — казарме в немалом более крупных масштабах.

КТО ЭТИ люди? Я один из них. 1922 года рождения. Такие ныне — реликты. Как правило, ни грена сомненияй. И отсутствие тросты. Вот почему Кузнецов до самого конца так и не понял, в чем он виновен. В сталинской Административной Системе мы от самого своего рождения видели единственное проявление социальной гармонии и справедливости.

И тем не менее (не поэтому ли?) — буквально собачья слежка за всеми и вся. Я понял ее чудовищность достаточно ясно только тогда, когда сам был обложен, как волк флажками, в период брестовского режима, с которым вступила в конфликт. Что и говорить о режиме сталинском? В каждой группе можно предположить того, кто доносил, так сказать, по обязанности, ибо неосторожно сказанное слово тут же доставалось инквизиторам. А сколько было добровольных осведомителей, по «чистому» побуждению!

Что мне означало реально? Приспособленчество? Было и его предостаточно. Как раз среди тех, кто «все понимал...». Но самое-то главное — это массовая вера, а отсюда интуанзм. С этим тоже теперь разобраться надо. А то ведь и в самом деле может широко утвердиться гаденный соблазн влить всю вину на народ. Всякая вообще вера — уже по одному тому, что это вера, — не преступление, а состояние души. Да, именно так. Свообразный эквивалент свободы. Принудительной веры и вообще не бывает. И быть не может. Как не бывает, между прочим, и принудительной духовности. И принудительной любви и надежды. Духовность — носитель индивидуальности именно воли. В соединении духовности и воли проявляется цельность натуры. Вера в недознаваемое, несомненно, — та или иная религия. В этом смысле вера людей 30-х годов была в полном смысле реально самоодоточной. Она не более нуждалась в доказательствах, чем, скажем, христианская концепция мира или «абсолютная идея» Гегеля. В том и несчастье, что эту идею идеологически сталинскими пропитали сознательной ложью. То-то и вероломство, какого ранее свет не знал. Командную должность занимало безверие. Вело за собой веру.

Николай Кузнецов — сильный характер. Мифологическое его сознание для него самого кажется внутренне не менее непротиворечивым, чем сознание героя Троианской войны: Елена — божественно красива, стало быть, из-за нее стоит убивать себе подобных. Чужая красота выше своей жизни. Идеал над реальностью.

Не знаю произведения, где с такой ясностью раскрыта именно беззащитность (в образе Кузнецова) народных явс перед тем, что пошел на поругание святой веры в то, что впереди — добро, истина, красота.

Кузнецов в фильме «Наш бронепоезд» — не просто выразитель взглядов и настроений множества советских людей 30-х — 60-х годов. Он — реализовавшийся их совет. Несомненность народного духа. Он же, однако, — и их беспомощность. Несчастным правдолюбцем на Руси. Живут по вере, а потому по воле. Они все — Аввакумы. И судьба у них у всех похожая — рисунок смерти, правда, разный. Любопытно, что русский правдолюбец — будто в былинах — всегда проходил сначала через поединки. Побеждает, а потом толпа его сжигает. Толпа словно бы умышленно откусывает ту свою часть, которая начинает за нее думать. Откусывает вновь откуда-то появляющаяся голова.

Идет через свои поединки и Кузнецов, хотя само он при этом ищет лишь истину. Его озорничают раннее других, истое дело, его идеальное лицо, заводской парторг. Он вовремя принял правила игры, предложенные Сулавым и Брежневым, отступает не принципы, а прагматично, делаемую из ленинизма надежное покрывало для нравственного и идейного разврата. Его голос звучит не с амвона, а из неприспособленной.

— Да ты что, не понимаешь, что не надо об этом! Не надо! Отговорились... Это говорится человеку, называемому жизнь свою достойной во все ее периоды и в самом точном смысле слова. Поучает тот, кто только и делал в жизни, что, словно замесом, перекрашивался. Да еще угрожает Кузнецову исклучением из партии за то, что тот, наоборот, не желает лгать. Правда-то, однако, и вот какова: Кузнецов поверил каждому слову «товарища Сталина», а «отец народов», его партия и их функционеры обманули и Кузнецова, и народы, и человечество. И теперь вот делается попытка действительно натянуть всем штаны на самые глаза.

Герой наш прозревает, причем быстрее зрителей. Он разгадывает хитрую уловку высших властей, которые, оказывается, раньше, чем нынче публицисты, начали вести линию на то, чтобы переложить вину за свои преступления именно на народ. Подрауывается, — все же новата. Попытка закрыть именно все саваном испрошения.

Саван же — не одежда для ношения. Надо жить! И жить с ощущением исполненного гражданского долга. А тут предлагается, в сущности, постыднейшая сделка. Кузнецов партнером в ней быть не желает. Он с возмущением ищет в лицо партийному функционеру: — Хочешь мою жизнь мне же под подушкой?.. Чтобы я выбросил эти годы? А я не хочу. Это мои годы. И я за них отвечаю. И я не ошибался, понимая?.. Выполнил приказ... Я — честен.

Приказ, как известно, не обсуждается. Фашизм: стрелявший в безоружных убогих, кто он — честен. Верит: не ошибался и его государство. Она верит, он благополучен. Он не знает: ни государство, ни партия не спаст его. Пусть они и готовы сделать это в расчете на то, чтобы спасенный их подданный не забывал, кто его облаготочивал.

Ловушка это для официальных уровней: хотели после Сталина иметь народ в качестве кающегося, а народ, в лице Кузнецова, не принял этого! Нет, не соучастник он, а обманутая страна.

— Ошибались... Ничего себе ошибочкой! — саркастически грочотет Кузнецов. — А потом, значит, слала пелена, заговорили, заохали, ах, как страшно, как страшно. А все это они, они, органы, виноваты! А мы — только жертвы! А эти руки твуха на собраниях — «единогласно» кто орал доносина: «Наш Родной и Любимый!» кто стихи писал?

А далее — и парторг приговору: — А ты? Ошибался со всеми? Оно в стаде, конечно, всегда теплее, пусть у тебя душоная и скребет. Только не твоим бы месте я бы спокойно не спал, а взял бы револьвер или в окошко... А из меня, милый, шестеренки не сделаны! А ты винтик паршивый.

ТУТ-ТО и вступаем в пределы нетронутого: очень многочисленная часть нашего народа верила не одному Сталину (и его пресловутым соратникам), а была убеждена и в том, что дело «в общем и целом» идет правильно. Она, стало быть, жила не просто заблуждениями, а особой реальной жизнью, хотя и сотрянаной из заблуждений. Это — вовсе не подлаями, не приспособленцы. Разве не удивительна трагическая исповедь Кузнецова, когда он гово-

рит, что его руки — «чистые»? Сопоставляет это с тем, что ведь на самом деле «Россия защитна», «мир от фашизма спас». А если в лагере и кровь пролила, то опять четко верит, что не народную, а вражью. А за народ-то готов бы на все.

Как бы ни было, но о сознательном участии в преступлениях Сталина и сталинистов применительно к Кузнецову речи быть не может.

Если же говорить о признании действительной вины, то кто должен был сделать это в первую очередь? Конечно, руководившее звено партии. Оно частично и сделало это, на XX съезде. Но лишь частично. И тем не менее даже за это потом поплатился Н. С. Хрущев, хотя он-то лично совершил подвиг гражданского мужества. Он осторожно, но обозначил вину пресловутых сталинских «соратников», в том числе и свою. Теперь документ опубликован. Н. С. Хрущев (под давлением со стороны «соратников», действительных соучастников преступления, ах, дойдя тогда еще в состав Политбюро), однако, пришлось оставить в стороне вопрос о более широкой понятии ответственности идеологов партийного аппарата за подвиги ленинизма сталинизмом. Этот последний и аверт страну в немалую мизу. Если вычлстот (а как иначе?) то нынешний пресмотр ценностей в самом их принципе нуждается во всесторонней, в том числе и хронологически выстроенной, самокритике КПСС. Ее не может заменить никакая атака на ее со стороны. Как ни парадоксально, но в основном именно саморитика как раз и способствует нормальному самоутверждению партии в новых обстоятельствах. Партия — часть народа, и в ней люди накопились очень и очень разные. Здесь тоже необходим свой универсальный катарсис. В самую первую очередь, думается, очередь

Это ли, однако, заставило его уйти из жизни? За драку получил бы 15 суток. Лживо неокрушивший человек вдруг почему-то бросается в пролет между этажами. Почему?

Что Кузнецов прав — это не спасает его от рокового решения. Дело в том, что он, оказывается, подвержен власти над собой действительных вечных человеческих ценностей. До момента они были на втором месте, эфемерность — на первом. Потом обнаруживается, что нет, вовсе не политической жив человек. Перед ним встает сокровенный смысл его личной жизни... Действие происходит в майские праздники. Завершается в День Победы. Николай Дмитриевич Кузнецов, убедившись в оподлении его прежних и нынешних сослуживцев и друзей, прохид наконец через последние, действительно страшный суд над ним. Именно в День Победы — тут главная символика — он встречается с оскорбленным им сыном Алексеем.

НАПОМНЮ: Кузнецов вышел из столкновения со всеми другими, превосходя их политически и нравственно. Дело теперь в смысле. Пришел отец на свидание с ним, чувствую всем нутром своим, что тот не может быть и не будет неправым. Вышний критерий — не какая-то абстракция, а сын. Нравственный это закон, ибо сын его и есть честность, и есть персонально его идеал. Решение, значит, будет окончательным. Живя «для будущего», Кузнецов жил для детей. Взгляды его сразу слились в нечто одно — в то, как ты реально продолжился в детях. В народе рассуждают именно так. Потому народ бессмертен.

И вот она — эта центральная психологическая перенасыщенная сцена. Зритель не сразу в суть ее проникает, ибо живет в сей момент радостью примирения отца и сына. Примере-

Георгий Куницын

ТРАГЕДИЯ НАРОДА: ВИНА ИЛИ БЕДА?

О ФИЛЬМЕ «НАШ БРОНЕПОЕЗД»

ность в решении других важнейших проблем должна диктоваться необходимостью партийного и внутреннего очищения и отчуждения.

Фильм «Наш бронепоезд» без претензий на обобщения выдвигает вопрос о глобальной ответственности перед всеми нами — кто старше, а кто младше. Затрагивает он опыт и опять судьбу поколений разных лет. Достигается же это востине крайней мерой — через воплощение на экране трагедии без вины виноватых. А действительно виноватые — не есть герои.

Пробуждающийся от победы и последовательной нирваны спаситель Отечества чувствует неожиданно надвигающуюся и непонятную опасность и пытается выяснить все доподлинно. Идет на полное нравственное самораскрытие со своими прежними сослуживцами. Кто-то из них давным-давно разуверился в возможности социализма, приспособился и изниженным обстоятельствам, а кто-то, оказывается, и всегда был негодяем. Кто-то и вообще готов служить кому угодно, хоть черту-дьяволу, но кто бы были гарантии получить за это сполна. Актеры играют роли, что называется, само забвенно. Для В. Гостехина созданный им образ Николая Кузнецова — удача всей жизни.

Замечательна в своей полной достоверности А. Финдпенко и М. Ульянов. Думается, все же напрасно широкорвал А. Петренко своего отменного прохиндея из числа служивого «ворона», которое выклевало глаза революции. Все это не смешные, страшные типы. В общем же получен очень редкий эффект: «Наш бронепоезд» не воспринимается — по крайней мере мной — порешившим поколением — как простое кино. Переживается фильмом как неадекватное включение всех нас, доживших, в мизню всеобщей исповеди. А последняя может ведь поднять народ на совсем другой уровень самосознания.

Круг да Кузнецова здесь и замкнулся. Идти больше не к кому. Загада ему разрывало. Общество (в середине 60-х) сильно расслоилось. Верующих в Сталина осталось меньше. Больше тех, кто успел отвалиться от основного людского массива и вошел в ряды уже не оптимистов, их становилось самая малость, а тех, кто начал в то время отчаливать от позиций социализма. Ныне эта тенденция и вообще уже готова торжествовать, но и во второй половине 60-х обнаружилась эволюция в направлении от геронизма к потреблению.

Откат от великих целей. Вот когда и стала особенно тяжело снызваться непомерные потери людей. Потери эти составляли — до того как они случились — самую основу нашего генетического фонда. Чаша весов истории, на которой, свесив ноги, развалилась бесчисленная бездарность, все реже движется книзу, а тарелка с надписью «таланты» идет наверх. Не на тот. Закон больших чисел: количество погубленных не и рожившихся от них все более и более переувешивает собой deficit живущих. Растет, а не уменьшается deficit духовности. Нас ныне 287 миллионов, а по неосуществившимся пенсиям генофонда должно было бы быть свыше 700 миллионов. Революция в сущности осталась без революционеров. «В чистом поле под раинкой боатырь лежит убитый».

Кузнецов как-то вдруг понял это. Озлобился. Но не разуверился в своей правоте. Былиная натура, он, словно Бульба, врубался во враждебную толпу, лона не авелли ему руки за спину. Его били, когда он уже не мог ответить.

ние происходит: сын просит прощения у отца. Он — сама кротость. Он свят. Но неясная и жуткая тревога почему-то охватывает нас при виде всего этого. Советские зрители, переживая трагедию, мы при этом обычно больнее мороз неадекватной и непонятной беды. Потому, наверное, что и отцу приближаться и вши с вами судия: мы-то тоже жили — «для будущего». Ничего для него не жалели. В том и суть: ничего — и никого — не жалели.

А сын пришел уже из другого измерения. Обижен? Напротив, он совершенно искренен в своем извинении. Отец — это высшее начало. Но в глазах сына Кузнецов прочел последний приговор себе: ты не виноват, но дело твое уже неправое. Его тебе подменили. Ты честен, но честность твою использовали во зло. Ты — глубоко несчастен. Будем к тебе милосердны.

Это прочел Кузнецов в движениях лица, жестах сына, склонившего ему небудущую голову на плечо. Дожиному человеку было бы достаточно, чтобы стать вновь сполноным. Но тут разговор влох. Кузнецов понял: это — смерть. Он такой жизни не вынесет. «Будущее» его не приняло жертва. Отвело отцовскую власть от себя.

Будущее и вообще не приемлет жертв. Оно не жертвенно. Жертвы неизбежны, но уходят в прошлое. Нынешняя эпоха живет не на энтунастической основе. Пафоса уже нет.

Отец верен себе. Принял приговор, он причет слезы, отправляет от себя сына. Он обреченный! Такой отец — или патриарх, или он — на владыки. При виде на Кремль медленно бросает Кузнецов фуражку в Москву-реку. Она называется на волне, как судья. Прошание со всеми. Прохожие шаркаются, переживая ужас. Но Кузнецов не кончат утолденниками. Нужна вышка. Погибать, так с музыкой.

Заключительный эпизод достойно венчает трагедию. Вся атмосфера толкает Кузнецова и необыкновенной гибели. Он стал чужой в спясном им обществе: и чужой не только потому, что некогда охранял лагерь, но и как герой Отечественной. В День Победы, а его день величия, в ресторане, где огромное число людей отмечают этот праздник, единственный в зале бывший фронтовик с боевыми орденами оказывается изгоем. Дьявольщина правит бал. Увидев крах свой, прощается герой с жизнью, а публике в ресторане в сущности все равно, кто победил в войне. Ненависть и фашизму стала отключенным элементом. В лучшем случае отключенный элемент — это — за Победу.

В таком положении сейчас ветераны неведло. Толпа относится к ним так, будто это они виноваты в том, что новые поколения до сих пор не в состоянии обеспечить самих себя.

Полный скорбной отгаки, Кузнецов неосознанно идет снадала. Сын — неадекватно — убил его великодушнее. Сослуживцы — истязают. А остальные? Вот они. Празднуют не свой праздник.

И бош вступил в последний свой бой. Поскольку его должны были неизбежно схватить, взобрав вверх, он бросил свое тело в менакатый колодез. Так выплнула еще раз характер убитого поколения.

Просветляющийся в тревожном фильме. О недостатках его, хотя они, конечно, есть, говорить не хочется. Дело не в них. Фильм Евг. Григорьева и М. Пташкова несет в себе практическое оздоровление. Перед нами нетрадиционная святость смерти. Пусть герой и кон-

чает сам с собой. Это не мовсенс. Была и куда более крупная личность, которые смели считы с жизнью подобным образом. Слабые себя не убивают. А другие — могут. Оттого и издавали корит сильные их силой. Поскольку мы выжили все в человеке совесть, а не жизнь — таковую, то человек волею распорядился самим собой даже в таком способом — могли не видеть много пути счастья совести.

Тут-то в самый раз обозначить и еще один слон нашего общества. Будучи не героиней, он ныне сознательно компрометирует героев. Стелет это по-своему страшно. Это те, кто хващается, что «все понимал», уже при Сталине, Плюс к ним — те, кто не жил в то время, но полагает, что не был бы столь слепым, если бы жил. Им более всего лестно слыть именно умными, а не нравственными. Ради этого они не видят главной престижности во инии ни рода — совестности. Народ же много чаще верит, чем подозревает. А эти-то люди действительно ради красного словца не пожелают родного отца. Трусливого племя. Приспособленцы. Они не войдут Кузнецова. Для них оубенно смерть от самого себя не святая. В этом она предпочтительнее традиционной религии. И не стонки это, и энциклопедии ни не самые привлекательные, в скнетиях лишь в меру их безудержного цинизма. При случае готовы продать и душу. Или променять. Таким не понятны ни Малковский, ни Фадеев. Ныне они оплевывают уже вообще все в нашей новейшей истории. В том числе — в принципе — и революцию. Зачем же таким стрелять? На худой конец — обратно в укрытие. Вот такой-то и быет в лицо Кузнецова, когда у того руки заведены назад. Таких только связанных и бьют.

Но все же в чем обреченность Кузнецова? Попробуем посмотреть в самую гущу. Наступила она по-настоящему, видимо, лишь теперь: в конце 60-х, когда создавался сценарий, еще не было исторического фона этой трагедии. Что уж теперь-то, в наши дни, и Кузнецов, если сам восход солдата люди ныне готовы пригнать и ответственности за опережение. Не только на свои волею непременно отвечают своеобразном, но и матери-природе пытаются поставить в вину ее нетерпеливую мудрость.

И все же почему герой отвергнут, а мы ему сострадаем?

ПОТОМУ это так, что вновь и с небывалой остротой в наше время встал вопрос о насилии. Именно это и привело к оживлению христианства в иных непротивительческих концепций. Обретая своих новых сторонников проповедь Льва Толстого. Оживает духовность Достоевского. Люди теперь в лучшем случае сочувствуют героям, но не восхищаются. Человечество вступает в новую духовную галатейку. Нилась великого гиздара самозащита. И несчастье те, кого история пусть и авставила, все-таки авставила выстраивать людей по ранжиру. Вернее, не история, а продолжаясь австаия предистория. Подлинная история начнется с того, когда именно выдвигать станет самоделью бытия. «Человек сам в себе цель и не может быть средством», — писал Кант. Это положение перестает ныне быть лишь словом. Его начинают понимать. На такой основе выш ла на урешь осуществления забота людей об общечеловеческих приоритетах. Главный из них: человек — самозащита. Никто не должен быть уничтожен. Идея сия обожделит как верующих в нее, так и убеждающих. С уголовными преступниками человечество найдет, как справиться. Речь вовсе не о всепрощении.

При каких обстоятельствах человек — средство, а не самодель? Виноват ли он сам в этом? Чтобы понять сие, надо вынуждены в суть трагедии самой истории. Социальный прогресс трагичен изначально. Цели его их появлением неизбежно обгоняют их достижение. Это проявляется наиболее ясно в ходе революции. Авбуно: любая революция идет в противоборстве социальном справедливости требований с невозможностью их осуществления. Зло тут более объективно, чем добро. Противоборствующие силы превращают мощь революции. Именно это делает героев обреченными. Когда же обреченность кончается, то кончается и революция. В роме «Нова» Тургенева Соломин говорит: «...В добрых мироприятия первые всегда были боят, даме если они удаются. А в этом деле, что он (Маркелев — Г. К.) затеял, не только первые и вторые погибнут — но и десятые... и двадцатые...» Имелась в виду революция в России.

В 1885 году Энгельс предупреждал в письме к В. Засулиц: русская революция приведет к уничтожению революционеров. В. И. Ленин в 1907 году сказал М. Горькому: «Не исключена возможность, что нас всех вырежут в самом начале движения». Энгельс в ходе революции 1849 года в Германии увидел, что если марксизму придется взять власть в этой стране, то самое малое, что произойдет (из-за межклубуржазности страны), они будут физически уничтожены. Но Энгельс все равно предостерегал: революционеры изберут себе именно эту долю.

Именно справедливость «исторических авзрашений» требований снимает вину с революционеров.

Но — не беду. Беда заключается в том, что контрреволюция по-своему тоже права. Ее позиция тоже жизнеспособна. В этом и альтернативность. В истинной трагедии обе стороны сыгают себя правыми и обе исторически правы. Не в одинаковой, конечно, мере, поскольку перспектива на стороне революции. Любая революция кончается по-настоящему только с завоеванием демократии.

В чем же заключается без вины виноватость революции? В том, что справедливость требований революции до определенной поры объективно никак не несет в себе их удовлетворения. В этом, между прочим, и причина того, что революция столь подластна иронии истории.

Мы чувствуем постоянно эту ее власть. Плеханов называл историю «до крайности ироничной старухой». Энгельс предупреждал русских революционеров: «Люди, хвалившиеся тем, что сделали революцию, всегда убеждались на другой день, что они не знали, что делали... что сделанная революция совсем не пошла на ту, которую они хотели сделать».

Ныне являл: наша революция еще больше не пошла на себя, чем это можно было когда-либо предположить. Ибо чужой в спясном им обществе: и чужой не только потому, что некогда охранял лагерь, но и как герой Отечественной. В День Победы, а его день величия, в ресторане, где огромное число людей отмечают этот праздник, единственный в зале бывший фронтовик с боевыми орденами оказывается изгоем. Дьявольщина правит бал. Увидев крах свой, прощается герой с жизнью, а публике в ресторане в сущности все равно, кто победил в войне. Ненависть и фашизму стала отключенным элементом. В лучшем случае отключенный элемент — это — за Победу.

ИЗБАВЬте ирония истории революция не может! Действительно, подобно языческому народу, прогресс до сих пор не хотел вить вентар иначе, как из черепов убитых. Сопротивление прогрессу тоже сильнее самого прогресса. Пробивает он себе дорогу постине чудовишной ценой — каждый раз вновь встает из руин.

И все равно — непобедивших революций не бывает. Победит в наша. Это тоже, авпрочем, ирония, но уже по отношению и нашим противникам.

Однано век героев все же кончается. Печально это для тех, чей момент истин — подвиг по спасению Отечества. Подвиг — жертвенный. Наступает конец необходимости жертв. История отвергает насилие, а значит — и жертвы.

В этом суть современного мышления: мир без войн — мир без жертв. Мы пришли к отрицанию любых явдов насилия над обществом и над гражданами. Свои убил, подыался до того, чтобы соединить ствол услиа со всеми, кто за нравственность, совесть, достоинство каждого человека.

Лишь отсутствие социального насилия сня мет трагизм с человеческого прогресса. Самоцель — ныне все индивидуальны. Любые насилие ныне да потерял ореол трагических терров. По крайней мере не из них, кто не последует примеру Кузнецова.

Пишу все это как отец четырех сыновей.

В нашей печати прозвучали тревожные голоса о судьбе исторического здания Малого театра, о его состоянии и о перспективах его реставрации. Хотелось бы продолжить этот разговор — и поговорить о судьбе самого Академического Малого театра.

Слово «академический» потеряло у нас свой первоначальный смысл. Значит оно — образцовый, строгий, опирающийся на традиции и испытанный временем правила. У нас оно значит — просто «хороший».

Отсюда вытекают такие парадоксы, как Академический театр имени Маяковского. Малковский всю жизнь боролся против академизма, и называть театр его имени академическим все равно, что назвать общество борьбы за мир именем Наполеона. Театр имени Маяковского — один из лучших московских театров, но он меньше всего является театром традиций.

Малый же театр, как и Художественный, в полном смысле этого слова может быть назван академическим. Это театр традиции, театр проверенного мастерства, можно сказать — образцовый, заслуживающий подражания.

Возникает вопрос о сегодняшнем направлении театра, о том, насколько должен он примыкать к современным театральным исканиям. Широко известны слова Есенина «порой хочется и мне, задрав штаны бежать за комсомолом». Так вот Малый театр как раз не должен бежать за Театром Ленинского комсомола, он должен оставаться самим собой.

Мы восстанавливаем сейчас старые русские названия, возрождаем многие старинные ремесла и умения. И в Москве наряду с Василием Блаженным и Третьяковской галереей, Художественным и Большим театрами должны быть Малый театр, традиционный и по своим художественным принципам, и по репертуару.

Предвижу возражение: вы хотите вернуть живой театр в музей, а это две вещи несовместимые.

Но, во-первых, музей, в котором собраны прекрасные произведения искусства или памятники героического прошлого нашего народа — совсем не мертвечина. А во-вторых, искусство Малого театра отнюдь не является музейным, как кажется некоторым.

Задача, которую ставит перед собой его режиссура, — быть верным автору, раскрыть смысл и стиль пьесы прежде всего через человека, а для сценического искусства это значит — через личность актера. Малый всегда был театром крупных индивидуальностей. Его труппа и сейчас состоит из актеров высокого класса. Но их, к сожалению, сегодня недостаточно для выполнения больших задач, стоящих перед театром.

За последние годы Малый потерял замечательных мастеров. Ушли из жизни Царев, Ильинский, Рымов, Телегин, Хохряков, Кенингсон. Потери таких художников не может пройти бесследно. Труппа очень ослаблена, восполнить ее за счет выпускников Училища имени Щепкина быстро нельзя. Видимо, необходимо как можно активнее использовать традиционный опыт коллектива, всегда призывавшего в свои ряды лучших актеров из провинции.

Теперь, пожалуй, о главном — что и как и где сегодня в старшей русской сцене.

Южин писал, что «Ревизор» и «Горе от ума» всегда должны идти на сцене Малого театра в образцовом исполнении. Формально говоря, они идут, но как?

В «Горе от ума» роль Фамусова с высоким мастерством играет Анненков. Но преклонный возраст артиста побуждает театр дать ему дублера. Этот дублер чрезвычайно слаб — перед нами предстает не барин XIX века, а не то купец Островского, не то современный консультант. Очень неудачно Чацкий, невыразительны и другие исполнители.

Еще хуже обстоит дело с «Ревизором». Весник верно, в современной и сдержанной манере играет Горюничего, но исполнителю роли Хлестакова (которую у нашей памяти играл такой мастер, как Ильинский) до такой степени не соответствует художественным требованиям, что просто неудобно.

Далее. Малый театр называют «домом Островского» — так же, как «Комеди Франсез» называют «домом Мольера». Как недавно сообщила пресса, французский театр заключил с телевидением контракт на показ всех без исключения пьес Мольера. Может ли такой контракт заключить на показ пьес Островского Малый театр? Увы, нет! На его сцене пьесы Островского идут. Среди спектаклей можно выделить «На всякого мудреца довольно простоты» (постановка покойного Ильинского) и «Красавец мужчина». В них есть и серьезная режиссерская концепция, и достаточный высокий уровень исполнения. Но другие спектакли вызывают серьезные возражения.

К примеру, очень бледно выглядят «Доктор в мундире». Спектакль не блещет актерскими удачами. За исключением Борзова, мастерски играющего второстепенную роль Доксуева, в спектакле нет актерского удачи. Невыразительны и режиссура. А ведь одно из величайших созданий Островского, пьеса о чиновниках, могло бы прозвучать сегодня остро и сильно.

Возродить искусство исполнения Островского, вернуть на сцену «Грозу», «Бесприданницу», «Лес», «Волки и овцы» — первоочередная задача театра, его патриотический долг.

Еще более яркий пример — «Холопы» Гнедича, поставленные Львовым-Анохиным. Этот спектакль так значителен, что даже наша обычная равнодушная к Малому театру критика не смогла пройти мимо него и высказала ряд одобренных суждений. Самое удивительное то, что Львов-Анохин, сравнительно молодой человек, не видевший спектаклей старого Малого театра, создал произведение в духе его искусства.

Прежде всего замечательный молодой художник А. Сергеев вернул живопись на сцену. Достаточно вспомнить то, как воспроизведен строгий ампиризм Петербурга, как представлены дворянский дом и квартира подьячего, чтобы убедиться, что живопись помогает воссоздать образ эпохи.

Вторая особенность этого спектакля как спектакля Малого театра — то, что его мастера создали и вывели на сцену галерею ярких, выразительных, типичных характеров. Не говоря уже о Гоголевым в роли старой аристократки, тут можно назвать и Глушенку, играющую глумливую барыню, восхищающую парижскими модами, и Бочарова в роли удалого офицера князя Платона, и хитрого чиновника Веточкина — Марьяича и многих других.

Статья А. Штейна, давнего и горячего поклонника, исследователя и пропагандиста творчества Малого театра, свидетельствует: неблагоприятное очевидно, и не больше ни смысла, ни сил закрывать на него глаза. Состояние труппы, репертуара, уровень режиссуры требуют решительных мер по обновлению.

Чтобы двинуть что-либо с мертвой точки, мало приложить усилия: нужно еще изобрести. И если с пьесой А. Штейна трудно не согласиться, то о значении слов «академический», «традиционный» (наименее приемлемый по смыслу своего существования) возможно поспорить. Как ни странно, спор о словах оказывается спором о путях развития.

«Академический», по А. Штейну, означает «образцовый, строгий, опирающийся на традиции и испытанные временем правила». И еще — «заслуживающий подражания».

В БСЭ с лозунгом «академический театр» даю вроде бы лозунговое определение: это те театры, которые «выработали на протяжении длительной творческой практики прочные традиции, воспита-

нейшем и опасном эксперименте: искать те новые формы, в которых только и может воскреснуть вечная истина. Поэтому А. Васильев, в мой взгляд, в гораздо большей степени режиссер традиционного театра «Школа драматического искусства», чем В. Иванов, работавший в Малом.

«Малый национальный театр» было не став помыслим. Он развивался под воздействием искусающего классиками своих руководителей, упрямствующих в сохранении архаичных традиций. Тут больше ничего не создавалось, тут довольствовались лишь тем, что слегка обновляли постановку и заманивали одним посредственным актером другим, не менее посредственным.

Эта интуитивно звучащая фраза создана около сорока лет назад о театре «Комеди Франсез», который по праву ставится А. Штейном в пример Малому. Говорить о Бергманом и творческом отношении к национальной театральной традиции в «Доме Мольера» можно не вопреки, а благодаря тому, что на этой сцене с 50-х годов был закреплен симбиоз традиции и новации, пьесы Мольера и Расина шло рядом с пьесами Пиранделло, Ионеско и Беккета, добросовестные архаичные стилизации соседствовали с рискованными режиссерскими экспериментами Б. Бессона, Ж. П. Микшля, Т. Жандиса и находили отклик друг в друге.

О «Доме Шекспира», где работали Питер Брук, Тревор Нанн, Питер Холл, не будем и вспоминать.

Конечно, Малому театру необходимо решительное обновление, нужны свежие силы. Но если искать их среди актеров и режиссеров, «вписывающихся» в сегодняшние стереотипы Малого театра, — ни традиций, ни новаций ждать не следует.

Сложившись в нашем сознании величественный образ Малого театра немислимо предельно конкретизируется на вопрос «каким быть?». Конечно, локальные завоевания возможны — за этой дорогой тоже, но за эти успехи приходится расплачиваться удручающе скучным «фоном», в состав которого входят многие спектакли из названных А. Штейном да и некоторые немаловажные премьеры последних сезонов. Эти премьеры по делу мне замечал критики — отнюдь не равнодушная, а с новой силой следящая за тем, как приращивание сценки и эпигонство становится основным содержанием работы Малого театра. Как обрелась все в один голос «Холопы»: наконец хоть что-то, серьезного разговора стоющее.

Ну и последнее: как у нас все сплутало! Почтенных классиков XX века — Беккет, Маяковского, Мейерхольда — зачисляем в «академический авангард» просто потому, что не усвоили, лишь обмениваясь «каждому свое» культурный обиход из традиций. Говоря о «современном театральном искусстве», вспоминаем о Марне Захарове, последовательно работавшем во вполне сформировавшейся театральной эстетике.

Это не полемика с А. Штейном, но лишь попытка воспользоваться удобным случаем, чтобы лишний раз напомнить, как чудовищно смешаны понятия, как сдвинуты ценности в культуре, из которой долго и жестоко вымарывалось все, не амбицирующее — нет, не в традиции! — в законный стереотип.

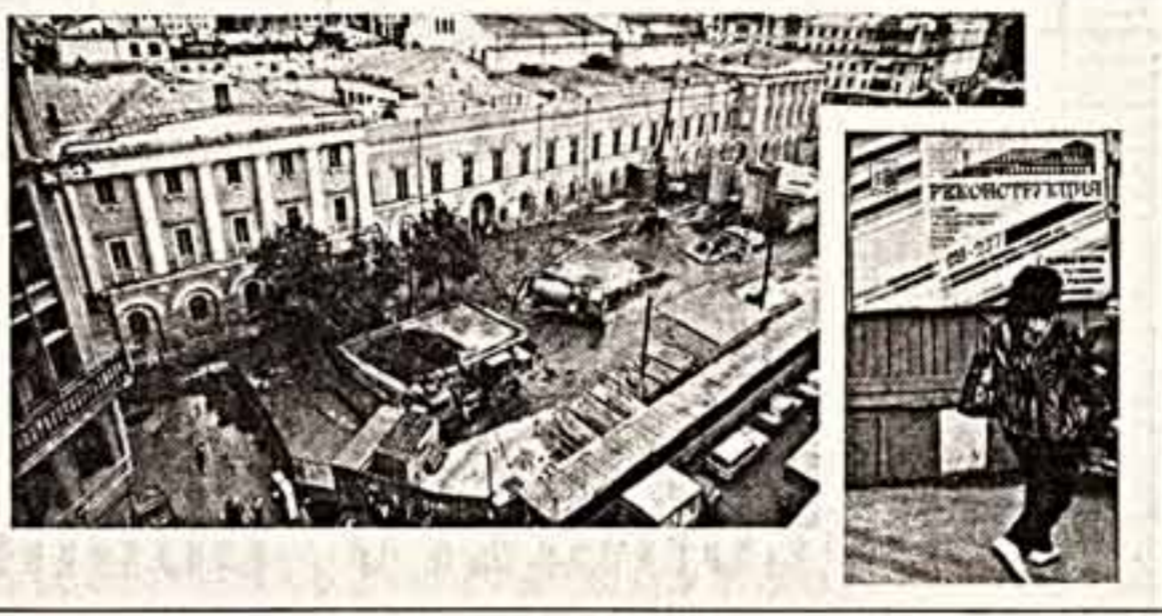
Как известно, Юрий Тынянов когда-то назвал свой труд о русской поэзии «Архангельск-новаторы». Редактору тоже показалось странным, и он заменил его словом «стихи». Вот это «я», привнесенное отделить традицию от эксперимента, нас до сих пор и мучает. До сих пор театр, считающий себя традиционным — вынужден «ждать «попоздней» (то есть деланной, доступной по привычным правилам) драматургии, вместо того чтобы заниматься главным своим делом: искать и находить «свое» время, живую традицию там, где она только и может находиться, — в зоне художественного риска.

«Словарь Ожегова» дает несколько толкований слова «академический». Последнее, переносное: «чисто теоретический, не имеющий практического значения» («Отечественный, мало доступный, непопулярный», — добавляет БСЭ). Учитывая это переносное значение, спросим себя еще раз: каким быть Академическому Малому театру?

А. СОКОЛЯНСКИЙ.

Фото А. Семашова.

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ ПРОБЛЕМЕ

КАКИМ БЫТЬ МАЛОМУ ТЕАТРУ

И сделать это надо в возможно короткие сроки. Если мы не сделаем этого сейчас, потомство нам не простит. К решению этой задачи надо привлечь всех, кто умеет это делать (например, режиссера ЦДТ Г. Печникова, поставившего несколько прекрасных спектаклей по пьесам Островского).

Мы много не говорим пока о современном спектакле. Он, конечно, необходим и всегда составляла неотъемлемую часть репертуара Малого театра. Но, может быть, пока нет полноценных пьес, объявить два следующих сезона сезонами русской и западноевропейской классики? Она неизменно занимала почетное место в афише театра. Да и сегодня на его сцене идет ряд спектаклей высокого художественного уровня, заслуживших одобрение зрителей. Назову фонизированных «Недоросля». Постановщик спектакля В. Иванов взглянул на XVIII век через призму художника «Мира искусства». Так Простакова (ее превосходно играла Далецова) выглядит не вульгарной деревенской бабой, а внашней дамой, которую легко представить себе в петербургском салоне, что не мешает ей быть подлинной носительницей «алонаривия», деспотичной тиранки. Самое любопытное, что театру удалось сделать живыми такие обычно пропащающие в современном театре персонажи, как Стародум и Правдич. Мало того, реж. Стародум о тех, кто, вместо того чтобы служить Отечеству, ищет в жизни кривых путей, внезапно оказываются живыми и современными.

Существует представление, что актерский стиль Малого театра устарел, что он не отвечает стилю современного театра. Действительно, актерское искусство современного советского театра базируется на школе Художественного театра, системы Станиславского. Но, когда утверждал устарелость искусства Малого театра, уместно вспомнить отношение к нему не только самого Станиславского, но и Мейерхольда. Как известно, Станиславский считал труппу Малого театра «труппой гениев» и говорил, что свою систему вывел из наблюдения над ее творчеством. Менее известно, что Мейерхольд был горячим поклонником чети Садовских, а лучшим актером, которого он видел в своей жизни, считал Александра Павловича Ленского. Игра сегоднешних актеров Малого театра, выступающих, например, в кино в ансамбле с актерами других театров, никогда не производит впечатления архаичской.

Недавно одна известная актриса сказала по телефону, что ей интересно играть первые десять спектаклей, когда ее смотрят знатоки, а потом она просто «летит людям».

Подобный подход был всегда чужд Малому театру. Он всегда работал на большую аудиторию, на зрителя, который приходил смотреть спектакль «про жизнь». С моей точки зрения, это и есть суть театрального искусства.

А. ШТЕЙН,

доктор искусствоведения.

ли на основе этих традиций значительных актеров, создали ряд спектаклей, получивших широкое признание... Полюбоже, да не то же.

Выработать традицию или опираться на нее? Если традицию можно свести к набору испытанных временем правил, то театр, эти правила образцово выполняющий, — действительно театром-музей. Даже если в нем идут современные пьесы (ест ли ведь и музею «современного искусства»). Музей демонстрирует нам некие образцы: собирает, хранит, но не приращивает.

Попробуем представить: забываемые правила нет. Тогда многое встает на месте. Понятен и «Академический театр имени Вл. Маяковского» — имени поэта, давшего начало мощной поэтической традиции (но и укороженности и традиции — тоже; вспомним южный равнинный стих, доступную поэзию, гражданскую лирику Некрасова). Понятно и то, почему великие поэты, обобщившие язык искусства XX века — Осипа Мандельштам, Томаса Стерна Элиота, — с полным основанием называются традиционалистами.

Традиционализм — не следование «в русле», а прокладывание дороги сквозь завалы и топку. Традиционный театр не демонстрирует образ прошлого, а выстраивает сознание будущего — если, конечно, называть вещи своими именами и не впадать в традиционную эвфемистическую косность, болшая новизна и логичность художественного мышления, как нам известно, так катастрофически быстро, как наш собственный, был традиционализм — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

традиции — значит участвовать в ультате-

ОЖИДАНИЕ

Два десятилетия назад Маргарита Суворова заявила о себе как самостоятельную исполнительницу северных песен. Ее «Жутичка», «Тундра», «Хедже» сразу же после премьеры принесли ей успех. Суворова — едва ли не единственная среди артисток Москонцерта, где творчество отмечено почетным званием г-жа республика — РСФСР, Удмуртия и Якутия. В ее программе классические произведения, русские народные песни, фольклор других народов Советского Союза, современные песни.

Но... об этом мало знает широкий слушатель — он примет в одной ее «нишестаски». Как сказал однажды известный поэт-песенник: «Суворова! Ах, это та, которая поет в утилке». Не потому ли певница не решает на сольную программу в столице: для успеха мало, чтобы артист понимал по прежним заслугам, надо еще иметь представление о том, что он делает сейчас.

...Когда Суворова гастролировала по Латинской Америке, ее нередко сравнивали с Имолой Сумай. И небезосновательно. Широкий диапазон — четыре октавы — позволяет ей исполнять практически любой диапазон. А если добавить к этому врожденную способность к языкам и редкое в наше время на эстраде желание отпаять каждую фразу, слово, каждую ноту, поразительную целустремленность, настойчивость, — творческий порыв певницы прорисовывается очень четко.

— Моя мать была историком по образованию, радиоинженером по профессии, владела несколькими языками. И, конечно, ее роль в моем становлении как певца огромна. Дело даже не в том, что она помогла мне еще в детстве в первый раз выйти на сцену, когда на гастролях в наш город привез Пермский театр оперы и балета. Неожиданно возникла необходимость найти поющую девочку для участия в спектакле «Русская», и мама привела меня.

— У меня в моей программе и после документы из института иностранного языка в сельскохозяйственную академию, забирала из театральных училищ и определяла в медицинские. И только после его окончания я стала студенткой «Киевских» — сперва училища, потом института. Мама никогда не оставляла и до сих пор не оставляет надежду учиться. Поэтому, занимаясь в Училище имени Гнесиных, я одновременно поступила во Всесоюзный творческий мастерский эстрадного искусства, к знанию и мастеру народного исполнительства — Ирме Якузав. Как это было увлекательно!

Право, не успеешь порадоваться, сколько сил, энергии, волевого напора у этой крупной женщины. Редко встречал такую заинтересованность в своем деле, такую преданность творчеству. По своему характеру она была и жесткая. Была такая ситуация, когда опускались руки и все приходилось начинать сначала, но не падала духом.

Была на гастролях, Маргарита Суворова обязательно занимается поением песен, а потом идет длительный процесс изменения в них. Иногда бывает, что ее восприятие мелодии раскрывается с тем, что говорится в стихах, и она рассказывает по эту новую текст, точно зная, о чем должно поведать слушателям.

— Мне важно, — говорит она, — чтобы слушатели в любой стране, даже не понимая слов, смогли «уловить» песню.

И в ее исполнении этот визуальный контакт настолько велик, что с первых же тактов все оживает — природа северного края, люди, для кого эти суровые места — Родина, и все, чему есть и должно название.

Удивителен дом Маргариты Суворовой, где все вроде бы так же, как у нас, — обычная московская квартира на 16-м этаже блочного дома, с об-

нами, выходящими на старинный парк. И вместе с тем это — экзотичный уголок: здесь и шаманский бубен, и медвежья шкура, и деревянные якутские маски, и коллекция томоуэ, на которых хозяйка квартиры мастерски играет, и строганина всегда есть в холодильнике. И еще — гости, постоянно пребывающие в этом открытом доме. Они приезжают из Якутии и Магадана, с Дальнего Востока, Чукотки и, конечно, с ее родины — Удмуртии.

— Недавно в один из вечеров в моей квартире раздался телефонный звонок.

— Простите, вы можете уделить мне две минуты? Послушайте новые песни — «Хатерок» Морозова — Поперечного и «Даняги» Хаславского — Олева. Я просто люблю вас сейчас. Раньше я весьма снисходительно относилась к таким песням: считала несколько вторичными, — объяснила Маргарита. — А теперь вдруг задела, потому что у меня в них остроумный поворот сюжета. И меня удивляет, как часто мои исполнители не ощущают в шлягерах своеобразия юмора.

Сейчас в жизни артистки сложный период: она пробует себя в новом современном репертуаре. Увы, буднич в ее жизни оказывается больше, чем праздничков. Они складываются не только из решения творческих проблем: месяцем, даже годом тянется на добывание музыкальных инструментов, звуковой аппаратуры, без которой ныне просто невозможно обойтись. Но как приобрести тот «Крипосанов» и другую аппаратуру? Нашей эстраде в конце концов надо собориться, что есть что.

Уже несколько лет назад она поддала заявку на аппаратуру и инструменты, стала в очередь на получение их. Никто не оспаривает ее права на приобретение. Однако получает что-то другое, а Маргарита Суворова все ждет и ждет.

А в результате новая встреча с певницей откладывается на неопределяемый срок. Ожидание тоже входит в концепт творческой биографии Маргариты Суворовой, но не слишком ли оно затянулось?

И. АБЕЛЬ.

УТОМЛЕННОЕ СОЛНЦЕ...

«Танго» Славмира Мрожека в ленинградском Молодом театре

Эдея, один принцип, он записан в маленькую книжечку, которую достают по праздникам: быть вовсе беспринципным как-то уж совсем нехорошо.

При всем том Мрожек написал веселую пьесу, которая содержит перлы остроумия и ироничности парадоксов (здесь надо отдать должное переводчице И. Щербакской). И счастливо, режиссер С. Славян и артисты ленинградского Молодого театра поняли и глубокий философско-политический смысл «Танго», и ее иронично-трагический стиль драматургического письма.

В наших нынешних отношениях с драматургией абсурда, в пьесе Мрожека давно зачислены по этому ведомству, наблюдается некая торжественная мрачность, которая создается с помощью большого количества не понятных широкой публике слов. Неопытные авангардисты ритуализируют свои связи с текстами Беккетта, Ионеско или Пинтера с такой новодельной то-ску торжественностью, что, наверное, погляди на неопыт Мартин Эслина, не-

павший в 1960 году знаменитую книгу «Театр абсурда» (наивно он и подлил миру ныне годовой термины), он проклял бы тот час, когда взялся за перо. Театр абсурда — это прежде всего театр, великая игра человеческой жизни, связанная с корнями традициями мистерий, легенд, и балаганного театра. Западало — зрелищным авангардизмом лирической стрелы и самонадеянно, умения заразить зрителя коготью ку бадмы мрачной на краю...

Не хочу сказать, что С. Славян и его артисты, что называется, «закрыли тему», но они разрыли умный и отчаянно веселый спектакль, который заметно отличается от многих, виденных мною, абсурдистских постановок. В этом спектакле есть все приметы Молодого театра, который своим скорее ироничной, чем блеском индивидуальностей, но и отдельные авторские работы являются надежным вкладом в общее дело.

В юном Артуре А. Петрове, который захотел устоять в своем безалаберном

доме разумный, нравственный и идейный порядок, столько переисходивший, что его фанатизм кажется милой романтичной утопией. До той поры, правда, пока он не загонит свою змеиная — молодящуюся бабышку (Н. Леонова) на катанка в порядке наказания пока не заставит фанатизма и пресмыкающуюся дающую (А. Артамова); пока не лишит своего папушу (С. Кошонин) права на авторский эксперимент. Да и его самого ироничная идеяность лишает нормальных человеческих радостей, о которых мечтает его кузина Нел (Н. Сукурова) и которая готова внимать всем теориям Артура, но предпочитает завершить эпопею звонким финалом. Теоретический, Артур вполне разрабатывает свое самство, которое готово, «платая мальчишку», играть в любые идеальные игры, лишь бы в его отсутствие наслаждалась призрачной безалаберной и буйной жизнью. Артур превратил всех в лицедева, кроме Эдея (С. Мухин), человека без «качества» и челове-

на для любой поры. Его нельзя разрешить, как нельзя вымывать сложную реакцию у одноклеточных. Он, Эдея, готов на все. И когда у юного Артура сядут нервы, когда голова его, полная солнечных утопий, отступит перед непокорными жизненными инстинктами тела, придет новый козлик. Эдея, трюмник-идеолог, способный на свой манер удовлетворить всех, начиная от сексуально-эволюционной матери Артура (Т. Григорьева) до деда Эдея, который привык жить восторженными работ.

Одно из па финального танго Эдея будет танцевать с даждошью Зугунише, который, мавая портфель новому хозяину, встанет на руки, вниз головой. Балаганная воляность покажется многим зрелищным восхитительным зрелищем, который не даст усомниться в истинно-сладкой мелодии танго. Фанатичный разум рождает извращенный и лирический порядок. По-срамене разума чреват оскотинизмом. Сон разум рождает чудовищ.

М. ШВИДКОЯ.

ВСТРЕЧА ДРУЗЕЙ

Давная дружба связывает театры Кухляки и Ростова-на-Дону и Гера (ГДР). Минувшей осенью ростовачане с большим успехом показали в ГДР русскую народную сказку «Колобок» в постановке главного режиссера театра, заслуженного деятеля искусства РСФСР В. Выкова.

И вот ответный визит: Кухляки из Гера привезли спектакль «Чай четта радиус», поставленный на одноклассной базе для детей П. Галарре. Спектакль чехов создали берлинскими театральными школами — Страской Пешля, Сабиной Цинклер и Вольфгангом Ноком. Они же исполнили все роли в своем спектакле.

Г. АБАДЖАН. РОСТОВ-НА-ДОНУ.

Сцена из спектакля «Чай четта радиус».

Киев—Хабаровск

В дальнюю поездку отправился Киевский театр имени Ивана Франко.

— В Хабаровске, — говорит директор театра В. Гнатенко, — мы уже показали двадцать спектаклей. Зритель тепло принял «Энеиду», «Урадиное счастье», «Дни Ангела» и другие работы киевских артистов. Труппа также встретилась с группировками предпринятия Хабаровска. С 1 июля гастроли «Киевля» продлятся во Владивостоке.

О. ГУСЕВ. (Наш соб. корр.).

Культурные десанты

Перед матросами и офицерами Краснознаменного Северного флота впервые выступил с концертами лауреат премии Ленинского комсомола ансамбль песни и пляски Краснознаменного Туркестанского военного округа. Артисты-северяне в это же время открылись во вониских гарнизонах Узбекистана и Туркмении.

К. ЕРЕМЕНКО, СЕВЕРОМОРСКИ.

Центральное телевидение показало новый документальный фильм «Путь к воскресению, посвященный идеям и судьбе русского философа Николая Федорова (1828—1903). В строгом смысле слова документальным его назвать трудно... В стилистической интерпретации темы, в подчеркнуто житийной интонации ищет свое слово — а что, собственно, представляет собой идея и искания Федорова?

Какое место занимала в отечественной философии? И почему же, сегодня, должны слушаться в ушедший голос? Не ради же символического и мистического рассказа о жизни и смерти автора идеи воскресения мертвых и всеобщего человеческого спасения?

Судьба учения этого русского мыслителя лежала в русле религиозно-мистических исканий начала века. Инте-

рес и между обострился в конце его, вводящий конец целого тысячелетия... При этом наблюдая абсолютное явление — делается попытка соединить религиозно-мистические течения с сегодняшней, правдой, слишком широко и возмужно интерпретируемые достижениями естествознания, науки, техники, вплоть до космонавтики.

Сегодня мы открываем для себя многие забытые страницы русской философии, и, в первую очередь, философия Николая Федорова, является не лучшим инструментом познания. Ведь из крайности безудержного отрицания мы бросаемся в другую крайность — безудержного утверждения, когда эмоции превалируют над разумом.

Несколько лет назад в издательстве «Мысль» вышла «Философия общего дела» Н. Федорова. Не столько кни-

ва, сколько сам факт ее издания, является неким противоречием — толкованиям. Обширные работы в ней являются национальным возрождением, другая — идею классовых различий. А разговор о марксизме и марксистских позициях. Видно, к сожалению, что марксизм от размышлений над смыслом жизни, а стало быть — «сообществом» это учение.

Предлагаю вниманию читателей статью академика Ивана Фролова, являющуюся фрагментом из его новой книги «Человек и гуманизм». Работы разных лет, которая готовится к печати. В ней он размышляет о том, как соотносится принцип философии общего дела Н. Федорова с гуманистическими традициями русской мысли, с современной наукой и философией.

жизни и смерти, критиковались мифы о «бессмертии души» и «воскресении» — божественном или «научном», как у Н. Ф. Федорова.

Было бы бессмысленным подробно разбирать здесь его трактовку «всеобщего воскресения», однако хотя бы коротко она должна быть охарактеризована, чтобы стала ясна надуманность попыток связать ее с современными исследованиями путей увеличения продолжительности человеческой жизни.

По Н. Ф. Федорову, именно «бог триединный» заключает в себе «требование оживления», причем, как он отмечает, «всеобщее воскресение не художественное творчество на камне, на полотне и т. п., не бессознательное рождение, а воспринятие из нас, как огня от огня, при посредстве всего, что есть на небе и на земле, всех прошедших поколений. Тут не два источника, а один, ибо мы можем сказать, что природа, сознание нас, в живущем поколении, утраты, восстанавливает через нас, через наше знание и дело из самой себя эти утраты, т. е. все умершие поколения. Только в полном своем составе, в совокупности всех поколений род человеческого может войти в общенный ему единство, в общность с Троицей Существом, войти в Него, как бы в свой надр».

ко таким путем изобретается человечество и от всеобщей смертности, явившейся как случайность, от немоты, следовательно, от бессилия, и чрез наследство, сделавшейся врожденной, эпидемической болезнью, пред которой все прочие животные могут считать спорадическими болезнями. Смертность является всеобщим органическим пороком, уродом, которое мы уже не замечаем и не считаем ни за порок, ни за уродство».

Н. Ф. Федоров упрекает и философов за то, что некоторые из них не хотят признать смерть даже аном. Он считает, что, в частности, для позитивного вопроса о том, есть ли смерть безусловное или нет, представляет неразрешимую дилемму. «Смерть», — пишет он, — есть, следовательно, состояние, обусловленное причинами, но не качеством, без коего человек перестает быть тем, что он есть и чем должен быть». В этом проявляется особенность восточных вопросов о сущности смерти, которую выдвинул Н. Ф. Федоров. Является ли она действительно плодотворной, как пытаются уверить нас некоторые современные авторы? Нет, конечно, и мы убеждаемся в этом, обращаясь не только к истории философии и науки (например, биологической) мысли, но и к некоторым современным концепциям, возникшим в размышлении вне связи с представлениями Н. Ф. Федорова.

соображения материализма», равно и всех «реформаторов до социалистов включительно», желающих «смертного сделать счастливым». Более того, свое учение «всхождению» он выдвигал как «противоположность марксистской материализма». В нравственно-философском же плане позиция Н. Ф. Федорова определялась как «нигилизм, а альтернатива, а родство». Это означало «жить на себя, а не для других», а для «всеобщего воскресения», при котором и бессмертие становится достоянием отдельных личностей, а всего человечества.

Как видно из последнего, в этой области бессмысленна есть и определенный смысл, но в целом подобный подход является (порой в очень резкой форме) представлением, вступающим в глубокое противоречие с гуманистической традицией науки и философии. Это видно и из того, как Н. Ф. Федоров обрушивается на учение И. И. Мечникова об ортобиозе и в особенности — на нравственно-философские идеи Л. Н. Толстого, упрекая его в том, что он «а чудно не верит, а логики не признает», когда утверждает, что «смерть не дурная вещь». При этом Н. Ф. Федоров совершенно отвергает те нравственные основания, которые вскрываются за этим утверждением.

Представления Н. Ф. Федорова не только не соответствуют прогрессивной историко-философской традиции, но в противоречии с ней в развитии научного познания жизни и смерти человека, включая их социально-этические и гуманистические оценки. Гуманистическая традиция философии вообще всегда была направлена против попыток теологов считать исключительным правом религии «решение» вопросов о смысле человеческой жизни, о смерти и бессмертии, причем достигается это якобы путем обращения к богу, который «смысл» страх смерти, поскольку «обеспечивает» личное бессмертие в будущем.

Это отчетливо проявилось и в русской истории, в частности в нравственно-философских исканиях, которыми так сосредоточено и влечительно занимался Л. Н. Толстой. Его учение по многим противостояло тому, о чем говорил Н. Ф. Федоров. Оно также опиралось на религиозно-идеалистическую основу, однако фактически воплощалось — в особенности в художественных произведениях Л. Н. Толстого — в глубоком интуитивном содержании, противостоявшим ортодоксальному христианскому вероучению и федоровскому представлению о смерти и «воскресении».

Что привлекает в них современного человека? Если в двух словах, то — наивысшая человечность, органическая солидность мысли с чувствами неповторимой и бесконечной в самой себе личности, а ее связь с другими людьми и человечеством в целом, которая и порождает мучительные раздумья о смысле жизни и смерти и в них находит хотя бы временное удовлетворение, сознавая, что окончательного ответа нет и быть не может, что она — в самой жизни, ее вечном движении.

В противоположность неунывающим в основе своей и принимающим смысл в задаче человеческой жизни взглядам на проблему смерти и бессмертия человека, которые выдвигала в свое время Н. Ф. Федоров, модифицируя христианские идеи о «триединном существе», Л. Н. Толстой, да же отвергая «учение о Христе», взрывая его, что называется, «изнутри», смело утверждал гуманистическое видение самодостойнства живущего человека, давая ему не просто «утешение», а тем самым снимая страх перед смертью, но и подлинное — мудрое осознание смысла вечной жизни человека как социальной и нравственной личности. И образ Христа у Л. Н. Толстого, как и, кстати сказать, у Ф. М. Достоевского и даже в определенной мере у В. С. Соловьева, оказывается поэтому неким нравственным идеалом, но не культовым символом. «Истинная религия», — по Л. Н. Толстому, — есть такое согласие с разумом и знаниями человека, устанавливаемое им отношении к окружающей его действительности, которое славит и уважает его личность». Оттого-то и у нас сегодня, людей неверующих, много из тех, кто утверждает Л. Н. Толстой, вызывает глубокое сочувствие в душе и признание в собственном размышлении и переживаниях.

Л. Н. Толстой не просто утверждал, но он со всей силой своего могучего таланта показал нам прежде всего потаенный смысл того, что совершается в человеке, когда он переходит биологически и нравственно от жизни к смерти. Как всегда, в предельно заостренной и на первый взгляд даже парадоксальной, но исключительно отчетливой форме он выразил это в статье «О жизни» следующим образом: «Человек умирает только от того, что в том мире благо его истинной жизни не может быть узнано, а не от того, что у него болит сердце, вля у него рак, или и него выстрелила, или бросила бомба».

Эта мысль о незаменимости биологической смерти человека, в которой существенно роль играют социально-этические и нравственно-гуманистические факторы, проходит красной нитью через все творчество Л. Н. Толстого. Она неразрывно связана вместе с тем с утверждением его нравственного, духовного бессмертия.

Много нравственных потерь принесла нам варварская извращения в нашем прошлом. Отбрасывая их — мы обязаны уделить больше внимания «вечным» проблемам бытия, жизни и смерти человека. Но подходить к ним с позиций научного, реального гуманизма. Человек как человек не в одном из человеческих вопросов не должен выходить за пределы человеческой сущности, определяющей его разум и гуманность. И в этом, а не в призраках «вечной жизни» и не в иллюзиях «всеобщего воскресения» мертвых его единственная и достойная перспектива.

Бессмертие человека и человечества — в бессмертии их разума и гуманности.

Иван Фролов, академик:

ПРИЗРАКИ И ИЛЛЮЗИИ «ВЕЧНОЙ ЖИЗНИ» И «ВСЕОБЩЕГО ВОСКРЕСЕНИЯ»

РАЗМЫШЛЕНИЯ о жизни и смерти — древняя и постоянно возобновляющаяся традиция человеческой культуры с момента ее зарождения и до наших дней. Это и мощная духовная традиция отечественной философии и художественной мысли, полной напряженных исканий смысла человеческого бытия.

Сегодня в эти нравственно-философские проблемы обращаются все чаще. Но странным образом идут иногда по пути реставрации забытых или полужабытых учений и идей, противоречащих природной и социальной реальности. Очевидно, что современная научная и философская ориентация в вопросах жизни и смерти человека все больше призывает решающую роль социально-этических и гуманистических факторов для развития личности. Однако вовсе не в тех формах, какие они получают как в ортодоксальных, так и в модернизированных вариантах религиозно-идеалистических концепций. Это относится, в частности, к идеям, в истории русской мысли получившим оригинальное воплощение в философии, или «проекте общего дела». Н. Ф. Федорова — этого, несомненно, выдающегося, хотя и очень противоречивого мыслителя, творчество которого весьма тесно сопрягалось с духовными исканиями Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, В. С. Соловьева и других писателей и философов, обращающихся к проблемам смысла человеческой жизни, смерти и бессмертия. Правда, он во многом занимал здесь особые позиции, зачастую противоположные гуманистическим исканиям русской мысли, ярко запечатленным в особенности Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским и др. Не случайно, например, В. С. Соловьев к концу 80-х годов особенно резко выступал против идеи Н. Ф. Федорова, относясь к ней к проблемам смысла человеческой жизни, смерти и бессмертия. В чем особенность именно федоровского «проекта» решения этих проблем и почему мы должны, как считают эти современные авторы, обратиться к этому «проекту», интерпретируя его в терминах и образах, которые предлагают современная наука и практика и которые могут обозначить определенные цели их развития в будущем как цели всего человечества?

В «ФИЛОСОФИИ общего дела» Н. Ф. Федорова ставя вопрос о «братстве или родстве» человека с другими существами, т. е. неминуемо состояния мира и о средствах к восстановлению родства», обращается от имени «неунычивых и ученым, духовным и светским, верующим и неверующим, чтобы путем «совокупной деятельности» способствовать регуляции «всех миров всеми воскресенными поколениями». Он считает, что «как только гордость поднимает отцов занимает сокращением об их смерти, как только землю будем рассматривать как кладбище, а природу как силу смертоносную, так и вопрос политический займется физическим, причем физическое не будет отделяться от астрономического, т. е. земля будет признаваться небесным телом, а звезды землями».

Не знаю, как все это воспринимается с точки зрения современного «философского космоизма», но учение о «множественности миров» — давняя традиция космологической мысли всего человечества, и не Н. Ф. Федорову, разумеется, принадлежит честь ее открытия и обоснования. Впрочем, не это главное. Главное — что же следует из «сокрушения о смерти отцов» и рассмотрении земли как «кладбища, а природы — «как силы смертоносной»? Н. Ф. Федоров полагает, что агрианист, который называет себя «человеком» и гордится этим именем, очевидно, не пришел еще в меру возраста Христова, не стал еще своим человечеством, и все, отвергнутое в наше время культ отцов, лишая себя через это права называться сынами человечества... Между тем существование последних как «воскресителей», по Н. Ф. Федорову, имеет значение не только чрезвычайное, а совершенно необходимо, если цель жизни состоит в обращении слепой силы природы в управляемую разумом всех воскресенных поколений...».

Итак, смысл жизни определен Н. Ф. Федоровым. И определен, прямо скажем, чрезвычайно оригинально: он противопоставлен гуманизму, утверждающему человека как индивидуальную личность, а не просто как «часть целого» — «сына человеческого». Что следует из такого определения? То, что все средства, включая науку, должны быть подчинены некоторой «конечной цели», значимой того, «что должно быть», а именно, объединению «всех в общем деле обращения слепой силы природы

в орудие разума человеческого для возвращения вытесненного». Отсюда у Н. Ф. Федорова критика материализма и позитивизма, как и вообще современной ему науки, не видящей, по его мнению, этой цели.

Эта весьма странная ориентация научного исследования подчиняется не просто утопической, но и бессмысленной, далекой от действительного гуманизма и регрессивной цели. Утопической — потому, что никакие ссылки на науку (включая современную генетику, как это делает за Н. Ф. Федорова ряд современных авторов) не приближают эту идею к реальности, так как никогда нельзя «восстановить» уникальную личность, которая не может быть, как мы знаем, «записана» в генах. Далекой от действительного гуманизма и регрессивной — потому, что всеобщее «воскресение», если уж забавляться этой пошлостью, касается и исчезнувших, и, к счастью, таких представителей рода человеческого, которых не заподозрили в человеколюбии и прогрессивности. Между тем у самого Н. Ф. Федорова этот абсурд выглядит вполне «логично», поскольку наш доморощенный мыслитель исходит из некоторых нетрадиционно интерпретируемых религиозных (христианских) догматов, которым должна, по его мнению, «следовать» наука, и приходит к ним же, но «усиливая» столь же «нетрадиционно» интерпретируемой наукой, как он ее понимает. «Отрицание религии», — по мнению Н. Ф. Федорова, — состоит не в истинном или добром, а в злом употреблении слепой силы, в подчинении ей под видом господства над нею, а подчинении ей в половом подборе (в мануфактуре) и в естественном подборе (истреблении разного рода). Служение Богу отцов состоит в обращении слепой, смертоносной силы путем регуляции в живую систему. Регуляция в противоположность эксплутации и утилизации природы, т. е. в противоположность расширению ее будущими сынами ради жен, приводящему и истощению и смерти, регуляция ведет к восстановлению жизни. Не одно только идеологическое составляющее искажение религии; мыслеловничество, или идеология, есть также ее искажение; философия же как произведение отделившегося от других сословия ученых есть наибольшее искажение религии».

Здесь, как мы видим, даже в общем-то плодотворная мысль о «регуляции природы», получившая широкое распространение сегодня, однако без связи с идеями Н. Ф. Федорова, облекается в религиозную форму и направляется, в частности, против науки и философии, которую автор «Философии общего дела» ставит разным причинам третировать особенно устаревшей. При этом главным пороком всех философских систем он считал отсутствие самой идеи или непризнание «общего дела» — воскресения. И хотя нельзя отказать Н. Ф. Федорову в ряде метких критических характеристик, например, философии Ф. Ницше с его учением о «сверхчеловеке», однако он весьма односторонне и дожно оценивал, как я думаю, многие элементы нравственной философии И. Канта, В. С. Соловьева и в особенности Л. Н. Толстого. И это понятно, поскольку в истории философии, в частности в так звано характеризующейся Н. Ф. Федоровым материалистических системах, развивалась противоположная религиозно-идеалистическим представлениям концепция

При этом, поскольку для Н. Ф. Федорова «организмизм — машина», он говорит о «воспроизведении» человечества из «простейших элементов (соберите машину, и сознание возвратится к ней)», «чрез все индивидуальности, чрез кои проходили эти элементы», «по законам наследственности», с использованием «психиологических дневников» и т. д. Это интерпретируется в ряде современных работ о Н. Ф. Федорове по большей части как «научное предвидение», хотя и говорится, что здесь проявляются его вульгарно-материалистические воззрения, соединенные (любим только формальным) с религиозными представлениями о «триединном существе». Подчеркивается разница между традиционными христианскими идеями и представлениями Н. Ф. Федорова о «всеобщем воскресении».

Но нельзя не видеть, что там, где действительно есть эта разница (ведь и христианство исповедует не только бессмертие души, но и будущее «всеобщее воскресение» телесное, так сказать, «во плоти»), она несравненно меньше, чем общая удаленность этих идей и представлений от материализма и науки. И не случайно Н. Ф. Федоров критикует ее в этих вопросах (обращаясь, в частности, к взглядам И. И. Мечникова и др.) даже более резко, чем Л. Н. Толстой. Правда, подобно тому, как Л. Н. Толстой имел в виду современную ему «научную науку», лишенную мудрости, знания нравственной жизни человека, Н. Ф. Федоров говорит о «западной науке», развившейся «внутри торгово-промышленного организма», но не о постулируемой им науке будущего, устремленной к осуществлению «общего дела», развившейся в «сельскохозяйственной среде» и ставшей уже наукой не «разложившей и умерщвления, но научной сложения и восстановления». Для первой из них, являющейся, по мнению Н. Ф. Федорова, «злодейством, но только секулярным возрождением», характерно суевенное преклонение перед естественным (в чем выражается «несовершенство» рода человеческого), к которым относятся и смерть. А между тем, считает он, смерть есть просто результат или выражение несовершенности, несамостоятельности, несамобитной жизни, неспособности к взаимному восстановлению или поддержанию жизни. «Люди еще недоросли, полусущества: во полноте личного бытия, личное совершенство возможно только при совершенстве общем. Совершенство есть и безболезненное, бессмертие; но без воскресения умерших невозможно бессмертие живущих».

В общем, что называется, деваются некуда: хочешь быть бессмертным, надо становится «воскресителем». И это, считает Н. Ф. Федоров, есть «полное торжество нравственного закона над физической необходимостью». К этому приводит, по его мнению, необходимость ликвидации голода, разрешения вопроса, который он называет «санитарным», и пр. «Обращаясь к бессознательному процессу рождения, а также и питаю в действие, во всеобщее воскресение, человечество чрез воссозданные поколения делает», — считает Н. Ф. Федоров, — все миром средством существования. Только таким путем может разрешиться формула Мальтуса, противоположность между размножением и средствами существования. С другой стороны, толь-

НЕЛЬЗЯ обойти и другой вопрос. Известно ведь, что Н. Ф. Федоров считал, что «для своего осуществления естественное дело, т. е. воскресение, требует двух объединений, — объединения внешнего, которое может совершиться чрез самоудержание, и внутреннего чрез православие; и это будет объединением всех разумных существ в деле познания неразумными силами, которая, рождая, умерщвляет, и управления ею, неразумно силой, ими, разумными существами (сынами)». Конечно, можно по-разному объяснить или не замечать эти выводы Н. Ф. Федорова, как и его «предложение» заменить вопрос о безопасности и богатстве вопросом о смерти и жизни, но вряд ли это приведет нас к объективным оценкам и тех идей, которые так неосмотрительно рекламируют сегодня, в частности идею бессмертия и «всеобщего воскресения» с последующим заселением людьми Солнечной системы и всей Вселенной. Н. Ф. Федоров связывает это с глубокой перестройкой человеческой природы, хотя он считает, что это не будет сопровождаться изменениями в его сущности (просто человек будет больше самим собой, чем теперь). В итоге оказывается, как пишет Н. Ф. Федоров, что «вечная цель жизни состоит разумных в том, чтобы сделаться первоначальной причиной самих себя и уподобиться первоначальной причине, божественной первоначальности».

Идея подобного типа осуждается и сегодня, но их научное обоснование требует, разумеется, иных ориентиров, чем те, которые может дать нам «философия общего дела». «Жизнь есть добро, смерть есть зло. Возвращение живущим жизни есть умением для жизни бессмертия есть добро без зла. Воссоздание из земли всех умерших, освобождение их от власти земли и подчинение всех земель в всех мирах воскресенным поколениям — вот высшая задача человечества, его высший долг и, вместе, — высшее благо». Такое понимание высшей задачи, долга и блага вряд ли может вдохновить человечество, так как это понимание построено на абсурдных посылах. И что от того, что в нем содержится и отдельные рациональные, пророческие даже идеи и прозрения? Абсурд всегда есть гиперфирирование и смешение в сознании (тем более религиозном) явлений, реально существующих, но в иных соотношениях, структурах и системах.

В наибольшей степени эти рациональные и пророческие идеи в прозрениях Н. Ф. Федорова касаются представлений о сознательной регуляции в космологическом масштабе всех сил природы — вещественных и духовных — «существами разумными и нравственными, трудящимися в совокупности для общего дела». Их перемещение в сферу абсурда происходит тогда, когда определяется само понятие «общего дела» как «всеобщее воскресение». Бессмертия и пр., при котором жизнь и смерть человека интерпретируются не в их диалектической взаимосвязи, но в качестве взаимноисключающих противоположностей, а в нравственно-философском плане — как резко противопоставленные явления добра и зла.

Н. Ф. Федоров постоянно подчеркивает это, считая, что «смертность не изначально, что она не представляет безусловной необходимости и может быть управляемой разумом. С этих позиций он критиковал «износившиеся

Я БУЛЬВАРНЫМ КОЛЬЦОМ С МОСКВОЙ ОБЛУЧЕН

Что такое Бульварное кольцо для москвичей? Бульварное кольцо — это улица, она соблазна, облекала эти кольца еще испод крошечки этих разрозненных деревьев, на виду множества людей — слышимых, слышимых, усталых, озлобленных. И в гущине этой улицы возмущается молодой олух, блуждающий, озлобленный и несильным стариком. Человек ищет свою экологическую нишу в варварской многолюдной зареде, собирающей окрестные под ногами московских небос, и устремив проладе волеи улиц и в стужающихся ледяных сумерках.

Фоторепортаж А. Тагма-Радио.

ОПЫТ ДРУЗЕЙ

«ЛАРЕС» — ПО-ЛАТЫНИ «СЕМЬЯ»

СОЗДАНЫ в Будапеште кооперативы, взявшие на себя решение нелегких задач, носят название «Ларес». Он обслуживает жилищные и социальные нужды членов кооператива...

ступность, и вовсе исчезнут... — Теперь нам приходится много заниматься этими вопросами, — говорит Геза Гостони, руководитель одного из будапештских центров охраны семьи...

Каталани приводит в пример несколько жизненных ситуаций, с которыми ей приходится сталкиваться. Например, семья из пяти человек живет в комнате площадью 16 кв. м...

Так формируются задачи, которые стоят сегодня перед венгерскими социальными работниками. Они должны оказывать конкретную помощь. Разобравшись в ситуации, увидеть еще не использованные потенциальные силы человека...

— В университетах западных стран этому учат четыре-пять лет, — говорит Каталини Тайгаши. — Необходимо очень много знать, чтобы успешно заниматься подобной деятельностью...

«Ларес» — одно из звеньев той цепочки, которая начинает постепенно создаваться в стране. Кроме кооперативных, в нее входят государственные учреждения...

Но открыть центр еще далеко не все. Важно научить людей приходить сюда со своими бедами, убедить их, что помощь будет конкретной, а семейные тайны останутся между вами...

Социальному работнику мало просто трудиться в какой-то конкретной области, — говорит она. — Он должен уметь проанализировать явление, понять его причины. А для этого нужен целый комплекс знаний.

Еще один пример. Ребенка берут из неблагополучной семьи, отдают в детский дом. На первый взгляд вроде бы поступили правильно. Но только на первый...

Ныне в Венгрии уже складывается система подготовки социальных работников профессионалов. Хотя это может быть и второй профессией для того, кто окончит специальные курсы...

специалистам, обладающим необходимыми знаниями, — их объединяет Бюро венгерской ассоциации социальных работников...

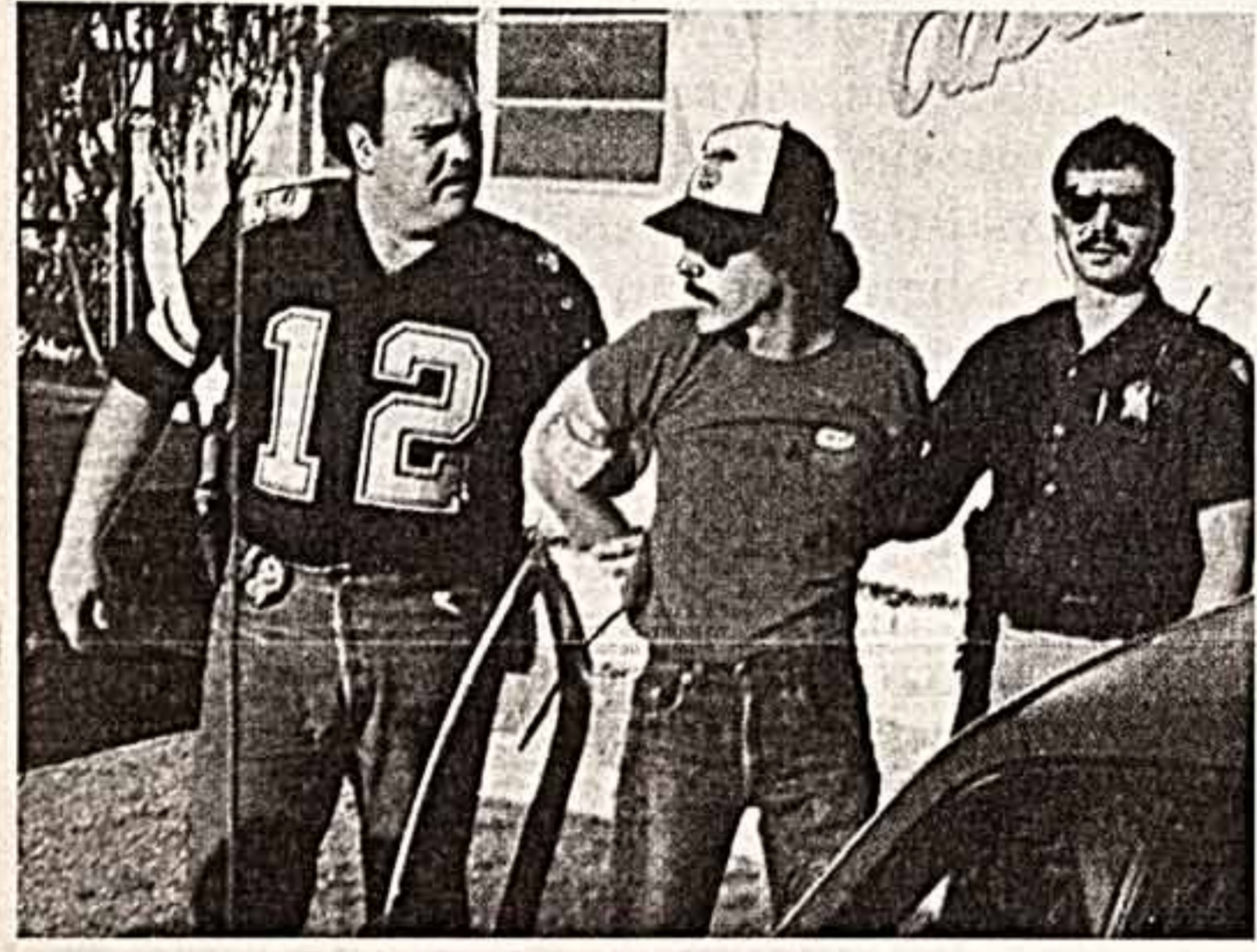
МИР КО ВТОРНИКУ
Эту рубрику ведет обозреватель Геннадий Герасимов

К ДИАГНОЗУ ПОПУЛЯРНОСТИ

ХРИСТИАН Функ из Кельна встретил М. С. Горбачева по своему: воздвигнув ледяную копию ракеты «СС-20», той самой, что до недавнего времени была нацелена на ФРГ...

Галина ГЕРАСИМОВА. (Корр. «Советской культуры»)

Не позавидуя полиции США... Несмотря на их профессиональные усилия, уровень преступности в стране отнюдь не снижается...

«ТЕАТР МИРА-89»

В нынешнем году местом проведения широчайшего известного международного фестиваля «Театр мира-89», который пройдет раз в два года, стал Гамбург...

«АКТ ВАНДАЛИЗМА»

Именно так назвала известная британская актриса Ванесса Редгрейв решение строительной компании «Ирич мерчанта»...

Юрий СИДОРОВ. (ТАСС) ЛОНДОН.

НА ПРОВОДЕ — БОНН

МОСТ

НЕОБЫЧНАЯ судьба у Бонна. Почти два тысячелетия был крохотным, по-нашему узким, городком, терпеливо ждал своего часа...

двухтысячелетие и сорокалетие столиц. Ввиду флажки с волюнтерской воображением цифрой — 2000. И едва ли не на всех столбах портреты сонскапелей мест в Европейский парламент...

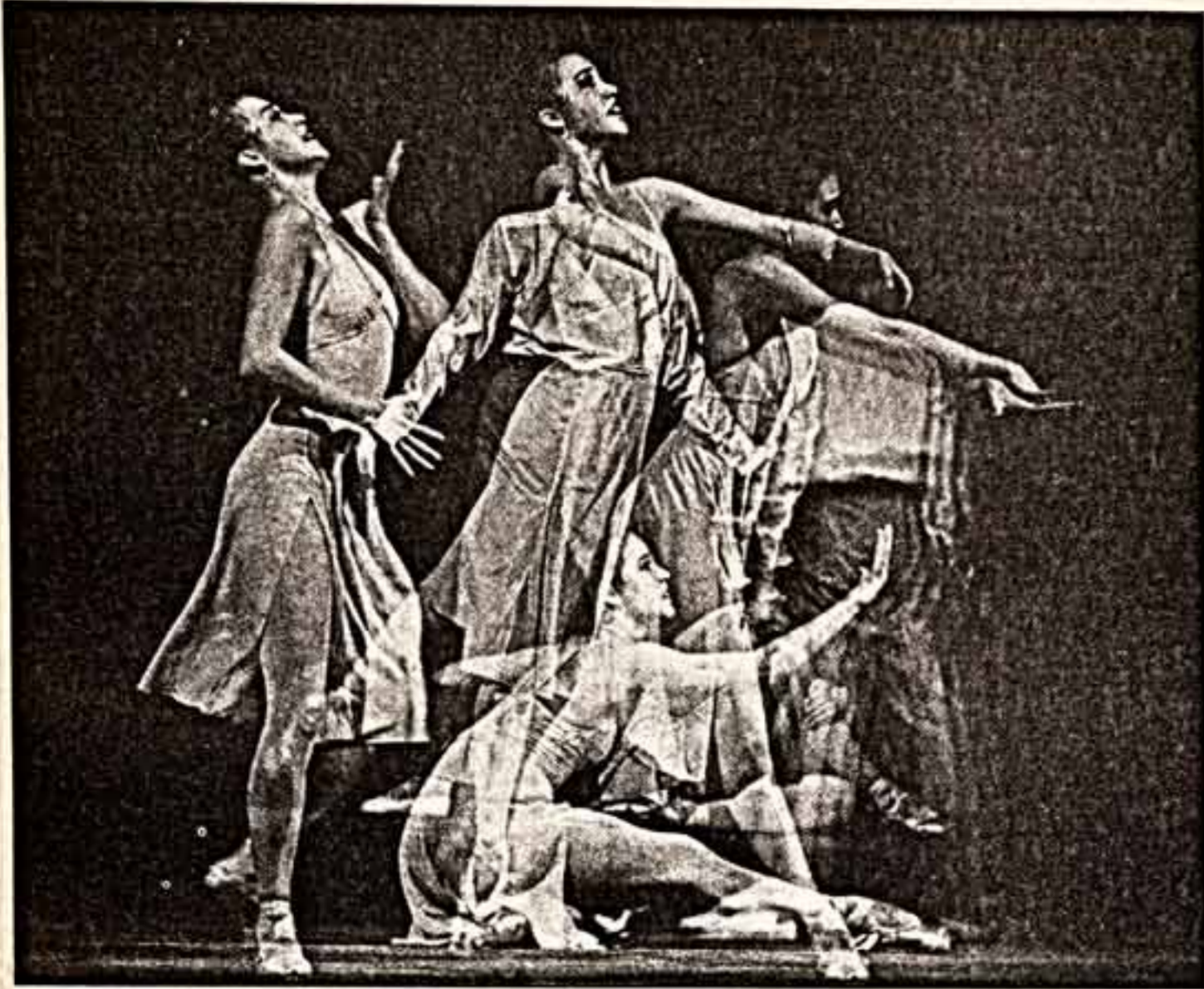
том дипломатическом словаре. И вот — прощай. Да, это слово часто мелькало в дни визита. Иные предпочли другое — «эфирион», впадавшие в него в зависимости от убеждений...

становилась облепленная, когда стало известно, что советская посольства в Бонне передали местным властям списки задержанных немцев...

Теодор Шувбург из Тюбингенского университета, отвечая на вопрос, почему немцы совершили очередные М. С. Горбачевым, сказал: «В конечном счете дело сводится к нашему особому статусу перед военным столкновением — статусу противника...

Ратуша Бонна.

КЛАССИКА — ВНЕ КОНКУРЕНЦИИ. ЧТО ДАЛЬШЕ?

Жизель САНТОРО (Бразилия):
— Современный номер дает артисту свободу выбора. На конкурсе это единственная возможность показать то, что ты сам хочешь.

Констанс ВЕРНОН (ФРГ):
— Я считаю, что если танцовщица решает принять участие в конкурсе, то прежде всего ему надо подумать не о трех обязательных классических фрагментах, а о том современном номере, который он будет показывать. Он должен знать, ради чего танцует и что хочет выразить своим искусством. Так вот, на подготовку молодых артистов в области современного танца многие педагоги не обращают необходимого внимания.

Бекет ХЕГЕР (Швейцария):
— Из всего, что было показано, можно выделить лишь два-три номера, остальные никак нельзя назвать современной хореографией, да и подчас хореографией вообще. Бесспорно, танцовщица должна более тщательно относиться к выбору современного репертура.

— С господином Хегером мы беседовали после самых первых просмотров второго тура. Однако в последующие дни картина не изменилась. Многие выступившие показали малоинтересные композиции, не имеющие самостоятельной художественной ценности и не дающие никакого представления о внутреннем мире исполнителя, из творческих пристрастий, позиции в искусстве. Среди счастливых исключений прежде всего хотелось бы назвать Королеву Кавалло (США). Выступив в классике, она вполне сформировала мнение о себе как об обязательной личностной тан-

цовщице. Современный же номер «Выбора» на музыку Ш. Пейзика совершенно неожиданно открыл еще одну, совсем новую грань ее дарования: мы увидели настоящую актрису, которой под силу выразить в пластике и накал страстей, и тончайшие психологические нюансы.

Точный выбор сделала вместе со своим педагогом и юная испанская участница Мириэль Мариа Ромеро «Испанское нарчишко» на музыку М. Рнско-Корсакова в постановке А. Монтегауду было исполнено ю с достоинством и артистическим блеском, вновь подтвердившим серьезность ее творческих замыслов.

Швейцарская танцовщица Кристина Мак-Дермотт в композиции Ханса ван Мамена «Три маленькие пьесы» на музыку Э. Сати была, наверное, в чем-то самой собой: серьезной, ядушной, духовно сильной. Эта миниатюра стала для нее как бы органичным продолжением классического репертура, внесла в ее сценический облик еще одну свежую краску «Облака» же К. Дебюсси — И. Килана позволила идеально раскрыть природные данные, подчеркнуть мягкую, «лепую» пластику. С успехом для раскрытия прежде всего сценической возможности композиции «Ля Янь» и ее партнершу Оу Лу на Китае, а также дуэт Сибиллы Шандт и Йорг Зимон из ГДР. В последний день событий стало выступление Марины Юрбева (Румыния), танцевала вариацию из балета «Карнавал в Венеции» на музыку Н. Пеганини — Ц. Пуни (хореограф М. Радукану), создала настоящую моноспектакль.

Итак, сегодня вечером на VI Московском международном конкурсе артистов балета начинается III тур. В борьбу за награды вступают двадцать четыре танцовщицы из Италии, Швейцарии, Болгарии, ГДР, КНР, Японии, Советского Союза, США, Австралии, Испании, Монголии и ФРГ. В добрый час!

одни Владимир Малахов в полной мере использовал возможность, предоставленную вторым туром, и сумел по-настоящему представить себя в современной хореографии. Правда, он танцевал «Ирчишко» К. Голейковского, уже своего рода классику. Остальные наши исполнители или не до конца «ажилась» в избранных произведениях, или, что случилось гораздо чаще, выходя в номерах настолько слабыми, что «сказать» что-либо вразумительное у них просто-напросто не было возможности.

Марина ЮРБЕВА,
Танцует Королеву Кавалло (США).

Итак, совершенно очевидно (и об этом свидетельствуют опыты уже не одного конкурса), что и самим молодым артистам, и педагогам следует обратить в будущем серьезнейшее внимание на современный репертур. Не случайно Констанс Вернон, чьи ученицы с успехом выступили сейчас в Москве, потратила на подготовку с ними номером для второго тура в общей сложности около трех лет. В самом деле, мы восхищаемся классикой, ценим, когда танцовщица демонстрирует виртуозное умение исполнить, но, право же, ничуть не менее важно и то, по какому пути пойдет искусство хореографии в будущем. Во многом это зависит и от международных конкурсов.

Пожалуй, главный приз зрительских симпатий, если бы таковой существовал, в первые же дни достался бы

ПРЕДСТАВЛЯЕМ УЧАСТНИКОВ КОНКУРСА

Мал золотник...

Слезы после выступления, если постигла неудача, не редкость. Другое дело, когда конкурсант плачет перед выходом на сцену... Мириэль Мариа Ромеро Абелла плакала не от волнения, а потому, что гримировалась так неуклюже, что длиннющие накладные ресницы попали прямо в глаз. «Да что оно, красится не умеет, что ли!» — раздосадовался кто-то из стоявших рядом «болельщиков». Оказалось, не умеет. «Меленькая еще!», — просящая педагог испанской танцовщицы Валентина Савина.

— Марш, марш на сцену! — выгоняла она Мириэль на поклон. А те раз поклонились, кажется, не собиравшись уже возвращаться и отгнать рапмы. Маленькая еще, не знает, когда и сколько нужно кланяться публике... — Маленькая еще! — говорил директор Национального балета Испании, когда В. Савина настойчиво убеждала его принять в труппу свою ученицу. В конце концов, контракт за 15-

летнюю артистку подписали ее родители. Савина юная участница конкурса (Мириэль — 16 с половиной лет) быстро стала всеобщей любимицей. Когда она вышла на сцену, за кулисами уже вброд негде было упасть. И все как один, переживали за нее. После выступления в гримировочную Мириэль зешла поздравить ее известная балерина, солистка Большого театра Светлана Адыржаева, тоже «поклонница» юной испанской танцовщицы.

Н. ШАДРИНА.
Мириэль Мариа Ромеро Абелла.

В конкурсе не участвует

Скромное и незаметное участие в конкурсе не означает, что артист не участвует в нем. Среди партнеров Неалли Лимовой — солистка Московского государственного театра балета под руководством Н. Касатиной и В. Васильева. Она вместе с Э. Звенигиней танцевала па-де-де из белого акта «Жизель» и мгновенно покорила публику высоким уровнем виртуозности, почти идеальной прозрачностью танца, поэтичностью облика. Н. Лимова закончила Узбекское хореографическое училище, каждый год приезжала на стажировку в Большой, и педагогу Р. Карельской.

— Конечно же, я волновалась, выходя на конкурсную сцену, — говорит Неалли, — старалась не делать ничего лишнего, никак не отвлекать внимания от Эрленда, а, напротив, как бы «высветить» его выступление. Мне очень жаль, что я сама не принимаю и никогда не принимала участия в конкурсе — так получилось, что когда смотрела по телевизору третий тур, всякий раз думала, что еще не «доросла» до его участников, что надо еще подождать. Сейчас вижу, что вполне могла бы рисковать.

Динко Богданни из Югославии (в последнее время он живет и работает в Мюнхене) выступил сразу с двумя участниками — Кристиной Мак-Дермотт (Швейцария) и Мией Кей Бошдетт (ФРГ). Так что и волнений у него должно было быть в два раза больше, чем у других «участников». Динко, однако, опровергает эти слова: — Ничуть не волновался. Обе девушки — сильные балеринки. Мы хорошо подготовились к состязанию и ничего не опасались. И главное: они приехали не столько за наградами, сколько показать себя. Девушки, разумеется, не хранили никакого спокойствия. Но я старался их подбодрить, внушить, что все будет хорошо. И тут, конечно, очень важно и каждая найти свой подход. Надо эмоционально, ведь надо «контрастировать» перед выходом. Кристина, наоборот, рассудочна, ее можно чуть-чуть «заменить». И, бесспорно, самое важное — «подать» партнершу. Насколько это получается, не мне судить.

М. БАЛАНЕНКО,
Н. НАТАЛЬИНА.

Массажист В. Суходолова возлагает лавры на танцовщицу Гарахчаляе Хорджабаева.

Фото А. Скузмина.

СУДИТЕ САМИ

Вояж на белом «мерседесе»

Ах, какие замечательные картины рисовались воображению двух молодых людей, сидевших в позидий час этого апрельского вечера в уютном зале новоосковского бара «Зарянка». Виделся им великолепный отель, окруженный мягко шелущим на ветру пальмами, белые «мерседесы», то и дело подкатывающие к входу, бассейны с изумрудной водой и олимпийским от загара девушками. И посреди всей этой роскоши они — Владимир Семюшкин и Александр Зайцев, в идеально сидящих смокингах, неторопливо потягивают «джин-тоник», устроившись на террасе своего десятикомнатного люкса. А через несколько дней мощной «бомба» уносит их в другую страну, где они посядут навсегда и займутся делом, подходящим для истинных джентльменов.

Фантазия, ослепленная! Да ничего подобного! Счастие было так близко! Оставались только некоторые формальности: нужно было заполнить несколько анкет, сфотографироваться на заграничные паспорта да еще «скинуться» по 1.000 рублей на расходы по оформлению выезда за границу. Правда, с деньгами было трудно, но зато какая аврелди

жизнь... Все остальное брал на себя из благодать. А уж ему-то можно было верить! по его словам, он не первый раз провадил подобные операции, и всегда со стопроцентным успехом.

В тот вечер оператор видеокамеры брал «Зарянка» двадцатитрехлетний А. Семюшкин и работник Дома культуры и техники НПО «Азота» двадцатитрехлетний А. Зайцев окончательно решили расстаться с опостылевшим им Новоосковским и начать новую жизнь в иных, чудесных краях.

Осуществить заветную мечту наших героев предложил гражданин одного из маленьких африканских государств (не будем называть это государство из уважения к его народу), которого они знали по имени. Ахмед. Уходящий Новоосковским строительного техникума, он пользовался среди студентов репутацией человека, привыкшего жить на широкую ногу. Ребята, правда, интересовались, откуда Ахмед берет деньги. Но, узнав, что отец его министр (правда, без портфеля), а мать — лидер колонии женщин, почтительно замолкли.

Увы, не знали они, что все это чистая выдумка. Не было у Ахмеда ни паль-министра, ни мамы-лидера. Деньги же он добывал нелегально, далеко не правым путем. Еще летом 1987 года по приглашению новоосковского товарища вояж в Таджикистан, где представлял шейха, вернувшись после папинской в Мекку. К шейху потянулись верующие, которых он исправно снабжал писемками-талисманами, якобы стрававшими от всех бед. Естественно, за соответствующую — от 25 до 50 рублей — таксу.

Совершенно было заключено, как говорится в дипломатическом протоколе, в духе полного взаимопонимания. Одна сторона (Ахмед) гарантировала друзьям выезд в африканскую страну, где их встретит представитель ООН (I). Новоосковские «африканцы» на первое время смогут заказать по своему усмотрению, и, разумеется, бесплатно, или десятикомнатный номер в лучших отелях. В первые дни ребята не должны выбирать страну для дальнейшего пребывания, куда их тоже доставит представитель ООН. Другая сторона (Семюшкин и Зайцев) выплачивают по тысяче рублей каждый на расходы, связанные с их выездом за рубеж.

Добыть не быть голословным, Ахмед первым делом предложил друзьям написать заявления в... МИД СССР, текст которого он тут же и продиктовал. Из него следовало, что каждый из отъезжающих получил приглашение посетить африканскую страну от некоего иезуита доктора Дженсона из Минисоты (так и заглавие). Вскоре Зайцеву и Семюшкину пришлось изрядно попотеть, заполняя пространную анкету из 30 вопросов, которую им также доставил Ахмед. Нечто дотошно интересовало семейное положение и доходами двух жителей Новоосковска, состоянием их здоровья, профессией и прочими данными. С легкой душой друзья отметили, что они не имеют «банковских, кредитных или частных задолженностей перед выездом из СССР», контактов с полицейскими органами и готовы проживать в условиях полной свободы личности и истинной демократии.